

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 1

**Мы знаем, что значит
война...**

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о Великой Отечественной войне*

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципального округа Финляндский округ

Книга «Никто не забыт, ничто не забыто», создана из воспоминаний, материалов из личных архивов участников Великой Отечественной войны, проживающих на территории нашего округа. В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, людей, которых мы можем видеть каждый день, но не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины – Великой Отечественной войны.

Данная книга поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их все становится меньше и меньше, а ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне и пусть эта книга поможет нам сохранить их воспоминания.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2010
© ООО «Артиком», оформление

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

9 мая 1945 года завершилась Великая Отечественная война советского народа 1941—1945 годов. С тех пор этот день прочно вошёл в нашу жизнь, чтобы остаться с нами навсегда. Прошло уже 65 лет после окончания самой кровопролитной в истории нашего народа войны. Преобразился окружающий нас мир. Но в памяти и в сердцах людей навсегда останется боль от ран тех огненных лет.

В наше время, когда новыми историками подвергаются пересмотру, казалось бы, самые достоверные данные о войне, возникает законный вопрос: а все ли мы, бывший советский народ, сейчас единодушны именно в такой оценке цены Великой Победы и итогов войны? И это совсем не праздный вопрос.

С появлением новых фактов, рассекреченных документов той поры многие события Великой Отечественной войны подвергаются ревизии. Далее они подаются совсем в ином свете, чем это было на самом деле. Самое страшное, что это искажает представления молодежи о войне, о величии подвига советских людей, разных национальностей и вероисповедания, которые своей кровью заплатили за счастье и мир на нашей земле.

А было — и это наш народ хорошо знает и помнит — вот что. Гитлер планировал стереть с лица земли нашу Родину. Еще перед войной, в марте 1941 года, он говорил: «Наши задачи в России: разбить вооруженные силы, уничтожить государство... Речь идет о борьбе на уничтожение... Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом на будущее».

Как реализовывались планы фашистов и о том, что было дальше, известно: свыше 70 процентов всей своей военной мощи — 153 дивизии из 190 имевшихся фашисты развернули на восточном фронте. Против СССР были брошены 4 танковые группы, 4 из 5 воздушных флотов, больше половины орудий и минометов. В начавшейся войне из общей численности вооруженных сил фашистской Германии (5975 тысяч человек) против нас действовало 4600 тысяч человек. С июня 1941 по июнь 1944 годов — до открытия так называемого второго фронта — нам противостояли главные силы фашистского блока, имевшие в своем составе 266 дивизий. Наша армия по сути дела в три первых года войны сражалась один на один против гитлеровских полчищ. Да и на заключительном этапе войны на советско-германском фронте постоянно находилось более 235 фа-

шистских дивизий. В это же время против англоамериканских войск во Франции и в Италии действовало от 81 до 100 фашистских дивизий.

Как сражались наши ветераны, нам хорошо известно. Благо, что пока мы еще можем послушать самих фронтовиков, проживающих или работающих на территории нашего муниципального образования. Но, к сожалению, с каждым годом их все меньше остается в наших рядах. Тем важнее услышать из уст участников былых боев, какой была для нашего народа прошедшая война. Героизм советских людей, преодоление, казалось бы, невозможного, бесстрашие и самоотверженность стали нормой поведения для всех — от мала до велика и на фронте и в тылу.

Длительная и ожесточенная война потребовала от нашей страны невиданного количества материальных средств. Непрерывным потоком шли в действующую армию вооружение и боевая техника, производили которую зачастую женщины, старики, подростки.

Что и говорить: колоссальными были наши людские потери — миллионы убитых и замученных фашистами на оккупированной советской территории, в концлагерях. Война была тяжелой и в материальном измерении, и в общечеловеческом, и в моральном.

И все же есть чем гордиться нам, россиянам, отмечая этот светлый праздник — 65-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. В жесточайшей и разрушительной войне наши деды, отцы, матери, братья и сестры не только выстояли, но и победили! Защитить завоеванную свободу, достоинство народа — нет выше чести и долга для ныне живущих и последующих молодых поколений, защитить и приумножить все, что досталось величайшим напряжением сил, утратами и лишениями.

Низкий поклон всем тем, кто спас нашу Родину от фашизма. Свыше 4700 жителей округа награждены в этом году юбилейной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В книге, которую Вы держите в своих руках, собраны воспоминания военных лет. Надеюсь, что воспоминания людей, ковавших Победу на фронте, помогут нам навсегда запомнить какими усилиями и ценой каких жертв была добыта наша Победа.

*Глава муниципального образования Финляндский округ
Всеволод Беликов*

Анатолий Алексеевич БОБРИКОВ

Когда началась Великая Отечественная война, Анатолий Алексеевич Бобриков, еще не достигший совершеннолетия, после окончания 8-й Ленинградской специальной артиллерийской школы был уже старшиной 1-й батареи 2-го Ленинградского Ордена Ленина Краснознаменного артиллерийского училища (ЛАУ). Его дальнейшая курсантская и офицерская судьба сложилась так, что в первых числах ноября 1941 года курсанты стали лейтенантами и разъехались из г. Белорецка, что под Уфой, куда было эвакуировано 2-е ЛАУ, по разным фронтам. Лейтенант Бобриков с группой товарищей был направлен на формирование 421-го армейского артиллерийского полка на станцию Шолья Удмуртской АССР, что под городом Сарапул. Оттуда полк уже в первых числах декабря 1941 года прибыл в состав 4-й Ударной армии Калининского фронта и участвовал в наступательной операции по разгрому немецко-фашистской группировки войск под Москвой.

Анатолий Алексеевич рассказывает:

«Всю войну я провоевал в одной части — в 421-м армейском артиллерийском полку, который по ходу войны становился 106-м гвардейским армейским артил-

лерийским полком, 27-й гвардейской пушечной артиллерийской бригадой 8-й пушечной артиллерийской дивизии РВГК. Сначала на Калининском фронте, а затем на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах. Преобразовывался полк, менялось и мое служебное положение: сначала командир огневого взвода — старший офицер 7-й батареи, затем командир 7-й батареи, началь-

ник штаба 1-го артиллерийского дивизиона 27-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады, командир 4-го артиллерийского дивизиона 27-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады.

Организационная структура 27-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады, как и других бригад 8-й пушечной артиллерийской дивизии, состояла из четырех дивизионов. 1, 2, 3 дивизионы были трехбатарейного состава: 152-мм гаубиц-пушек образца 1937 года МЛ-20, а четвертый дивизион — четырехбатарейного состава (10, 11, 12, 13 батареи) 76-мм пушек ЗИС-3. Так что в ходе войны я получил богатый опыт ведения контрбатарейной борьбы и борьбы с танками и пехотой противника.

Закончил я войну в боях по ликвидации Курляндской группировки немцев в Прибалтике.

А было это так.

Задача удержания Курляндской группировки немцев в блокаде и воспреещения немецкому командованию маневрировать и использовать часть сил этой группировки для решения задач на Берлинском направлении решалась путем проведения активных наступательных действий наземных войск, авиации и сил флота.

На нашем участке фронта (в нескольких километрах от станции Вайноде) на 8 мая 1945 года была запланирована очередная частная наступательная операция. В наступательную группировку войск с соответствующими за-

дачами по огневому поражению противника была включена наша 27-я гвардейская пушечная артиллерийская бригада 8-й артиллерийской дивизии РВГК. Командовал бригадой полковник Штульберг. Мой 4-й артиллерийский дивизион был у него «подручным». Командно-наблюдательный пункт командира бригады был совмещен с моим НП и находился на высоте в 1,5 км от линии боевого соприкосновения с противником. В шесть часов утра я вместе с командиром 13-й батареи капитаном Смирновым вышел на свой НП, чтобы провести контроль стрельбы по реперам для получения уточняющих поправок в установки для стрельбы на поражение по целям, запланированным на артиллерийскую подготовку атаки. Первым репером был надежно засеченный и накануне хорошо пристрелянный блиндаж на переднем крае немецкой обороны. Когда капитан Смирнов начал по нему контроль стрельбы, то буквально после второго разрыва снаряда вблизи блиндажа над ним появился белый флаг.

Хорошо разглядев его в стереотрубу, я остановил стрельбу и доложил о виденном командиру бригады. Пока мы обдумывали случившееся, белые флаги появились сначала справа, затем слева от блиндажа по всей линии первой траншеи обороны немцев, а потом и в глубине их обороны в районах наблюдательных пунктов и огневых позиций. Наступила тишина на всем фронте: ни ракеты, ни автоматной очереди, ни отдельного выстрела. Вдруг стало всё совсем не так, как было нормально и правильно всего несколько минут назад. Прошло определенное время какого-то оцепенения, давления на сознание воюющих, готовых в любую минуту убивать друг друга людей, резкой сменой обстановки, понять и усвоить которую мгновенно никто не мог. Солдаты воюющих сторон, находящиеся на хорошо наблюдаемом мною участке фронта, с одной стороны, приготовившиеся наступать, а с другой стороны, — обороняться, сосредоточенные для этого в первых траншеях своих позиций, местами непроходимо грязных или просто затопленных по колено водой, несколько освоившись с обстановкой стали поднимать головы выше бруствера траншеи, убеждаясь, что противная сторона делает то же, смелея, постепенно встали в рост, а затем и вылезли из траншей

и с автоматами в готовности к применению пошли навстречу друг другу. Встретившись, они хлопали друг друга по рукам, по плечам (чтоб обнимались, такого не видел), размахивали руками и оружием, но оружия не бросали. Под воздействием командных окриков офицеров солдаты возвратились на свои позиции.

В это время донесся характерный звук наших бомбардировщиков, летящих в соответствии с планом наступательной операции на бомбежку объектов противника в глубине его обороны. Авиаторы, не осведомленные о происходящем на переднем крае, успешно отбомбились и вернулись на свои аэродромы. Немцы не сделали ни одного выстрела из зенитных орудий, в воздух не был поднят ни один их истребитель.

Командир отделения разведки дивизиона доложил, что по дороге, идущей от противника через линию фронта, в нашу сторону продвигается группа из трех человек с большим белым флагом. Движение этой группы, очевидно, было замечено не только нашими разведчиками, поскольку несколько минут спустя командир бригады приказал мне взять с собой пару разведчиков и выдвинуться навстречу с этой группой для установления цели ее прибытия. Я взял с собой капитана Смирнова, который немного говорил по-немецки, и одного разведчика. Все мы, «группа парламентариев», как называл нас комбриг, отправляясь на задание, вооружились тремя трофейными автоматами и по той же дороге вышли навстречу немцам.

Мы шли взволнованные необычностью обстановки и выполняемой миссии, с гордо поднятыми головами, с сознанием положения победителей, не глядя под ноги, по дороге, по которой никто не ходил и не ездил. Мы старались подробнее разглядеть немцев, перекидывались короткими репликами, находясь в постоянной готовности к действиям согласно складывающейся обстановке. С немцами мы встретились на ней-

тральной полосе и приблизились к ним на расстояние 2—3 шагов. Перед нами стояли рослые ребята, экипированные, как положено в бою, один из них выбросил руку вперед и произнес «хайль», затем представился как обер-лейтенант (назвал фамилию, но мы ее не запомнили). Потом он сказал, что является представителем немецкого командования и уполномочен заявить о капитуляции группировки немецких войск. Так, примерно, перевел его заявление капитан Смирнов. После этого я отдал ему воинское приветствие, приложив руку к козырьку, представился и сообщил, что заявление немецкого командования будет немедленно доложено командованию Красной Армии. После этого мы отдали друг другу честь, развернулись кругом и разошлись.

Возвращались мы с чувством исполненного долга и более реальным пониманием того факта, что война для нас все-таки кончилась.

Обращаясь мысленно к событиям того дня, 8 мая 1945 года, не могу себе объяснить тот факт, что, пройдя туда и обратно по дороге, которая не один раз переходила из рук в руки и которую обильно минировали и мы, и немцы, мы не подорвались на ней. Похоже, не подорвались и немецкие парламентарии, в то время как на следующий день группа наших разведчиков во главе с командиром отделения разведки по той же дороге самовольно отправилась к немцам за трофеями. Они подорвались почти на том же месте, где мы встречались с парламентариями.

Есть, видимо, некая всемогущая сила, оберегающая сотворение добрых дел на Земле. Так для меня закончилась война».

1942 г.

Михаил Васильевич ВАСИН

- Участник Великой Отечественной войны с 1941 по май 1944 года.
- Воевал на Западном, Калининском, Прибалтийском фронтах.
- Служил в 283-м гаубично-артиллерийском полку резерва главного командования (ГАПРГК).

★ Награжден:

- Орден Отечественной войны I-й степени
- Орден Отечественной войны II-й степени
- Медаль «За отвагу»
- Юбилейные медали

Когда началась война, я думал, что продлится она недолго. С ребятами даже радовались, говорили: «Ну, мы их побьем быстро!» Про себя думал, что отвоюю — война-то раз, два и кончится, — и пойду в институт. Не знал, в какую кашу попаду. Военным быть никогда не желал, хотел учиться в ЛЭТИ. Даже на мандатной комиссии при поступлении в Третье Ленинградское артиллерийское училище заявил об этом:

— Учиться в училище не желаю. Я хочу пойти рядовым, отвоевать и пойти в институт.

Мне говорят:

— Вас, молодой человек, учили, от вас мы должны получить пользу. А пойдете на фронт, вас убьют, какая от вас польза? Поэтому с вами разговор короткий — вы приняты в 3-е ЛАУ. Встать!

Я встал.

— Говорите, что вы — курсант Васин.

— Есть, курсант Васин!

— Кругом!

И пошел. С этого момента началась моя война.

Но прежде меня чуть врачом не сделали. Когда начали нас, молодых ребят, вызывать в военкомат, мы с одноклассниками решили, что служить будем только вместе. Сперва нас вызвали в танковое училище, но оттуда мы удрали. Не помню уже как, но, во всяком случае, там особенно нас не держали: не хотите — ну и идите.

Потом вызвали и говорят:

— Давайте в медицинскую академию. Врачами будете.

Ну, врачами, так врачами. Юра Бардинов и Леша Дмитриев там так и остались, а я удрал.

Потом нам сказали:

— Раз никуда не хотите, пошлем вас на Урал в авиационное училище дальних бомбардировщиков.

Мы:

— Это для нас годится! Берлин будем бомбить!

Пришли к военкомату, а друг один наш Ваня Ена задержался. Мы же хотели вместе служить, поэтому ждали его до конца. Ваня пришел через час, мы — к военкому, а нам говорят:

— Где вы были? Мы уже отправили команду. Как вы можете так поступать в военное время? Вас под суд надо отдать!

Потом было 3-е ЛАУ. Учили нас чуть ли не 24 часа в сутки — торопились готовить новые кадры. В самый последний момент, когда немцы еще не успели захлопнуть железную дорогу, училище было эвакуировано в Кострому. Там же в январе 1942 года я окончил его с двумя «кубарями» — лейтенантом, значит, кубики раньше носили на погонах.

После училища отправили, как потом выяснилось, не туда, куда нужно — в Гороховецкие лагеря. (Горо-

ховец — город в Свердловской области.) Оттуда нас должны были распределить по войскам. Помню, отправляли нас срочно, выдали паек селедкой в бочке. Вот для нас задача была, как селедку делить? Мы решили катить бочку на станцию, там погрузить и разделить. Не помню, как разделили, но пока катили, из бочки дно вывалилось, и рыба развалилась по дороге. Смешно было!

Прибыли мы в Гороховец. Нам говорят:

— Вот здесь будете размещаться: метров 50 траншея, покрытая еловым лапником. Нары во всю длину, у дверей — железные бочки, которые топились круглые сутки.

Мы разместились. Помню, спать не мог — всё ветки кололи, и холодно было.

Вскоре нам объявили:

— Корпусники нам не нужны (а мы оканчивали училище по корпусной, тяжелой артиллерии), нужны минометчики. Давайте вас переквалифицируем.

И тут же приходит депеша: формируется артиллерийский полк в городе Кострома. Мы — назад. В Костроме уже больше порядка было. Полк еще не был оснащен, солдат не было, призыв шел по всей области.

Размещались мы в здании средней школы — там были наши казармы и пищеблок. Но потом по мере пополнения полка новобранцами нам приказали искать квартиры для житья самостоятельно. И мы ходили по домам, стучали в двери, искали, кто нас пустит.

Квартиру нашли у бабушки, спали вдвоем с товарищем на широкой кровати.

Когда полк был сформирован, нам, лейтенантам, пришлось обучать солдат и артиллерии, и шагистике, и прочему. На подготовку давали 3 месяца. Поступила

матчасть: гаубицы 122-миллиметровые — возили их «студебеккеры» (американские тягачи, они могли везти на крюку три тонны — как раз вес гаубицы, и три тонны — в кузове).

Перед отправкой на фронт мы провели первые стрельбы. Полигона специального, правда, не было. Стрелять пришлось в поле. И тут случай забавный произошел. Один неопытный командир батареи неправильный расчет сделал, снаряд пустили, и разорвался он среди коровьего стада!.. Никто из коров, к счастью, не пострадал — успели разбежаться. Стрельбы были засчитаны, написали, что провели на высоком уровне. Нас погрузили в поезд и повезли, а куда — не сказали. Неизвестно это было и машинисту: приказали ехать до определенного места — до ближайшей остановки, и все. А там его заменил другой, который так же вез до следующего пункта назначения. И так всю дорогу — в условиях повышенной секретности.

Кинули нас под Москву, в направлении Волоколамск — Ржев. Там состоялся мой первый бой. Я был командиром взвода, потом старшим на батарее. Наступление готовилось серьезное. Чтоб прорвать немецкую оборону, двое или трое суток мы стреляли день и ночь. Прорвали. Нашли немецкий склад со шнапсом, и многие перепились...

В 20 километрах от Ржева наш полк занял позиции на скате овражка. У меня был свой окоп, из него я выскакивал и подавал команды. Так как немцы меня засекли, стреляли по нам и днем и ночью. Много было потерь. Я командиру батареи говорил, что на 300 метров надо сдвинуться, чтоб уйти от огня. Убедил его в этом. Мы подготовили позиции и ночью перебрались. А когда солдаты утром пошли на старую за оставшимися вещами, то, вернувшись, рассказали, что в мой окоп было прямое попадание.

На войне мне везло. Однажды немцы ночью провели артналет. Снаряд разорвался недалеко от моего окопа, меня отбросило взрывной волной. Как я летел! Окопчик находился на краю оврага, в котором стояли машины. Я катился по этому откосу, пока головой не ударился о колесо машины. Очнулся и начал карабкаться вверх. Когда утром посмотрел вниз, увидел, что он весь был изрезан осколками. Как я

проскочил через них? Машину, о которую я ударился, всю изрешетило, водителя — убило. Это был первый убитый, которого я увидел на войне.

Летом 1942-го после продолжительных боев мы заняли поселок Анино. Немцам было важно вернуть утраченные позиции. Они всячески пытались подавить нашу артиллерию. Потому что знали, что солдат не пойдет, пока артиллерия не расчистит ему путь. Чтоб уничтожить нашу батарею, фашисты выпустили уйму самолетов. Тогда я впервые увидел над собою черные тучи из самолетов. И как только выстрел какой-нибудь, так туда ныряют несколько самолетов и бомбят — не дают стрелять артиллерии. А раз не дают — всё, солдат уже не пойдет вперед — не подавлены огневые точки. Ведь солдат что: пока по нему не стреляют — он идет, как только огонек на него попал, пули засвистели — он ложится, и никакой черт его не подымет. Это только говорят, что на огонь кидались. Бывало, если долгое время стреляли, пока солдат лежал, от нервного напряжения и страха он засыпал. Поднимать приходилось его, стуча палкой по каске — вставай, в атаку!

Немцы пустили на Анино танки и выгнали нас. Да так, что мы еле ноги унесли. Стреляли мы долго, успели истратить все снаряды, которые были с собой. Из каждой батареи отправили за снарядами по два «студебеккера». При отступлении тягачей не было, чтобы тащить технику. Связку применили: сцепили две гаубицы, чтоб одному тягачу тащить. И это вместо положенных 3 тонн — шесть. Вместо трех тонн в кузове, еще везли всех батарейцев — человек 120. Мы сцепили гаубицы, поехали в тыл, в место сосредоточения. Отступали днем. Над нами постоянно летали самолеты, двигались мы от кустика до кустика. Скрыться негде было. Смотрим, самолетов нет — побежали. Удрали мы не без потерь. Один командир орудия сел на передок задней сцепки. Тащили связку под гору, притормозили переднюю гаубицу, а задняя пошла, и ему грудь раздавило.

Тогда одни только мысли были: быстрее уйти, и так, чтоб нас не разбомбили. Полк наш был РГК — резервом главного командования. Таких полков было несколько сот по всем фронтам. Они подчинялись только главному командованию.

Каждая рота имела ротные минометы, полк — пол-

ковую артиллерию, дивизия — дивизионную.

После того как мы удрали, готовилась операция — наступление на Ржев, готовил ее Георгий Жуков.

Ржев — крупный железнодорожный узел. У нас такого узла, чтоб можно было вдоль фронта поезд пускать, больше не было. Важно было Ржев вернуть. Впервые за войну было сосредоточено в этом направлении на километре триста труб, начиная с минометов, кончая крупной артиллерией, т. е. на каждом километре стояла армада в 300 труб. Против такой артиллерии немцы ничего не могли сделать: когда вся она начинает стрелять, то остается только бежать. Нас на эту операцию и направили.

Помню, дожди шли недели две, дороги все раскисли страшно.

В августе было это. Когда мы начали арто наступление, немцы отошли, и мы двинулись вперед. Было это в районе рек Вазуза и Осуга. В 20 километрах от Ржева войска наши застряли в грязи. А так, может быть, мы бы и ворвались в Ржев. Наш тяжелый танк ТКВ (танк «Клим Ворошилов» — самый тяжелый, с мощной броней, ни одно немецкое орудие не могло ее пробить) застрял при въезде через речку на мосту. Ничего не мог сделать: чем больше он работал, тем больше увязал в жиже, грязь из-под него летела аж до неба. А он — на месте. Немцы в свою очередь тоже всю технику оставили — вывезти было невозможно.

В боях под Ржевом очень много ребят погибло. Там я видел огромное количество наших подбитых танков! Англичане подарили нам танки с бензиновыми моторами. Хотя все работали всегда на дизеле. А что такое бензино-

2010 г.

вый мотор? В машину не попало, а ударило осколком, полетели искры — танк загорелся. Из него выбраться практически невозможно было. Из нашего ребята через нижний люк выбирались, а здесь уже ничего не сделаешь. Подходишь к танку — пахнет горелым мясом...

Когда шел дождь, мы оборудовали огневые позиции. Все солдаты занимались этим — каждое орудие должно иметь окоп, чтобы можно было там разворачиваться и не особенно вылезать. Во время этих работ на нас вдруг посыпались снаряды. Страшно было! Особенно мне, потому что еще необстрелянный был. Я каким-то образом прыгнул в окопчик. Когда все закончилось, вылез, и первое, что я увидел — разорванный человек. Помню только одно: внутренности почему-то серые и парок идет...

Многого еще пришлось насмотреться. Помню, бойца ранило, ногу разорвало полностью, из него хлещет кровь фонтаном. Сан-инструктор пытается ухватить кусок ноги, чтобы перетянуть жгутом. Руки и жгут — в крови, все выskalывает. Так боролся-боролся, пока солдат не затих, кровь вся вышла...

В соседней батарее служил комиссар. Он очень боялся за свою жизнь, никогда не расставался с каской. Если не надевал на голову, то носил на руке. И вот однажды после очередной бомбежки стали подсчитывать убитых и раненых — нет комиссара. Куда он делся? Искали, искали, нашли его окровавленное тело без головы... Видимо, вылез посмотреть, а тут — бомба... Голову и снесло.

Но происходили и забавные случаи. Как-то наши Илы, которых немцы называли летающими танками, возвращались со штурмовки — летали тройками тогда еще. Три летели туда, а возвращались два. Метрах в 300 стоял грузовик с четверненным пулеметом — для стрельбы по самолетам. Один, скорее всего, подбитый, Ил крался за теми, кто летел впереди, крался по сосенкам. Так пулеметчики решили, что это мессер за ними гонится, и рванули по нему. Летчик разозлился, видимо, и сбросил на них все бомбы, которые не использовал в бою. Грузовик загорелся, а самолет полетел.

В последнее время немцы настолько озверели, что стали бросать бомбы по полтонны. Это страшная

штука: рвется бомба — идет несколько огненных кругов. Когда я подошел к воронке после одного такого взрыва, то понял, что туда влезет вся моя батарея: все четыре гаубицы и четыре «студебеккера».

1942—1943 года были очень бедные на ордена: «Вы все драпаете! За что вам ордена давать?» — говорило командование. Но в 1942 году я получил медаль «За отвагу!». Она числилась как орден. Летчики за каждый сбитый самолет получали ордена, но всегда говорили: «Дайте хоть одну медаль “За отвагу!”». Эту медаль у меня украли, когда везли в госпиталь в Иваново. В Смоленске меня на носилках перегружали с поезда на поезд, я потерял сознание, левая сумка была под головой... Да, частенько это было, что санитары грабили раненых. Кто воевал, кто воровал. Когда привезли в госпиталь, спрашивают: кого привезли? История болезни есть, а документов нет. Вытащили и паспорт, и аттестат, и партбилет.

А вступить в партию, между прочим, меня комиссары заставили: «Ты хороший артиллерист. Давай в партию вступай!» И я под Ржевом стал кандидатом в члены партии.

После тяжелого ранения я вернулся в блокадный Ленинград и решил осуществить свою мечту: поступить в Электротехнический институт. Приняли меня в ЛЭТИ без экзаменов, по существующему тогда приказу Сталина. Пришел, а там уже месяц, как учились: «Ну, куда же вы? Вам будет тяжело. На первой же сессии срежестесь», — говорили мне в деканате. Но я учился день и ночь, чтоб сдать сессию. Мне надо было выдержать. Первую сессию сдал на «4» и «5» — голова болела!

Когда объявляли о капитуляции Германии, я сидел в столовой на Кировском проспекте. Услышал это долгожданное сообщение по радио. Взял 100 граммов, помянул ребят убитых и вспомнил раненых...

Подготовила С. Титова

90-е годы

Александр Кирианович ГАНИН

Шура Ганин, семнадцатилетний паренек из уютного провинциального Городца на Волге, после окончания 10 классов школы приехал летом 1940 года в Ленинград для поступления в высшее учебное заведение.

Поселился у родного дяди Александра Семеновича Ведерникова, художника, жившего с семьей в большой коммунальной квартире в доме на набережной Макарова на Васильевском острове.

Семья состояла из его жены Надежды Павловны, ее племянника Толи Леонтьева, приехавшего годом раньше из Горького и уже учившегося в авиационном институте, и воспитанника, школьника, автора настоящего очерка.

Шура Ганин поступил в Горный институт и к июню 1941 года успел закончить I курс геологоразведочного факультета.

Начало войны с Германией застало его на топографо-геодезической практике в поселке Вышгород Псковской области.

До Ленинграда удалось добраться только в начале июля, и он сразу отправился в институт. Здесь уже шла подготовка к эвакуации оборудования и документов из кабинетов, лабораторий и кафедр в старые, более прочные здания.

Шуре и сокурсникам предложили работу и «бронь», но они пошли в партком и подали заявления о зачислении в армию добровольцами.

Их послали в школу на Косой линии Васильевского острова, где формировалась дивизия народного ополчения Свердловского района. В середине июля 1941 года дивизию отправили под Красное Село на строительство укрепрайона. И встретились мы с Шурой только через 4 года.

После моего выхода на пенсию в 1991 году, готовя свои воспоминания, я попросил Шуру прислать мне свои заметки о военных буднях. И дальше собственноручно рассказ о них пойдет непосредственно от его лица, как он мог вспомнить спустя 50 лет после войны.

Слева Шура Ганин, справа с гитарой Толя Леонтьев. 1940 год. В одной из комнат художника А.С. Ведерникова

Война рядового Александра Ганина

В августе 1941 года дивизию двинули под Кингисепп, но ополченские дивизии оказались совершенно не боеспособными из-за полной неподготовленности. Тогда нами решили пополнить потрепанные кадровые части, отступавшие из Эстонии.

В первом для меня бою немцы сожгли деревушку, где размещался наш штаб и медсанбат. Мы заняли оборону, постреляли по немецкой мотопехоте, они постреляли по нам. Когда появились танки, мы отступили.

Потом нас выбили еще из ряда деревень, затем из Гатчины и Пушкина. В связи с пиодермией меня отправили в госпиталь в районе Володарского моста. В ноябре я был определен в запасной полк на станции Всеволожская.

Декабрь 1941 года я, как дистрофик, провел в госпитале, который находился тогда в Выборгском Дворце культуры,

а в марте 1942 года был отправлен на долечивание в город Тихвин.

С мая по июль работал в Кобоне, грузил продукты для Ленинграда. Мне повезло, что не грузил боеприпасы, которые часто взрывались и горели, так как немцы нас часто обстреливали и бомбили.

Август—ноябрь провел на западном берегу Ладожского озера: держали оборону от немецких десантов, не давая им соединиться с финнами.

В январе 1943 года участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. Наша дивизия полковника Трубачева наступала западнее поселка Марьино. Между немцами и нами Нева — 600 м. Здесь я получил сквозное пулевое ранение в левую руку. Госпиталь располагался в Ленинградском государственном университете.

Март — бои за Колпино, слепое осколочное ранение в левую руку, госпиталь.

Май—июль. Отправлен на курсы радистов в Автово.

Июль—август. Оборона Угольной Гавани от немецких десантов с Финского залива.

Сентябрь. Бои за Кискинские высоты, к западу от аэропорта. Контузия от близкого разрыва мины, оглох на правое ухо. Отсиделись в медсанбате. Затем резервный полк. По ночам в районе Ульянки рыли окопы.

Январь 1944 года. Бои по снятию блокады Ленинграда.

Мы наступали в третьем эшелоне (два первых были перемолоты) от деревни Шушары, справа от железной

дороги на город Пушкин. Слепое осколочное ранение в левую лопатку и контузия позвоночника. Госпиталь в Педагогическом институте им. Герцена.

Март. Бои под Нарвой. Ушиб и обморожение правой стопы. Госпиталь в Пушкинском Доме на Васильевском острове, ампутация пальцев.

В апреле 1944 года я был эвакуирован в тыл, в городок Родники Ивановской области. Там же ампутировали половину стопы.

21 августа 1944 года меня комиссовали и с открытой раной и инвалидностью 2 группы демобилизовали. Я приехал в Городец к матери. Таким образом, из 1418 дней войны я отвоевал 1145, в том числе все 900 дней блокады. Был трижды ранен, дважды контужен, правая нога искалечена.

Так потомственный волжанин сражался за город на Неве. По вызову из Горного института в августе 1945 года вернулся в Ленинград. В апреле 1950 года окончил институт и был направлен в Читинское геологическое управление, где проработал до 1992 года. Умер в январе 1998 года, не дожив 7 месяцев до своего 75-летия.

С ветеранами в одном строю!

Вот уже 65 лет, как отгремела самая страшная в истории человечества война. Но не забыта и, несмотря на попытки заново переписать историю, никогда не будет забыта великая Победа, великий подвиг нашего народа, защитившего не только свою землю, но и освободившего всю Европу от фашистского нашествия.

9 мая занимает особое место среди знаменательнейших событий в славной истории нашего Отечества. Он стал для нас днем торжества и скорби, символом национальной гордости, данью глубокого уважения к солдатскому подвигу. Пройдут века, сменятся многие поколения людей, но честь и слава солдат Великой Отечественной, тружеников тыла, величие их ратного и трудового подвига во имя мира останутся вечными и неизменными.

В учебном отделе Михайловской артиллерийской академии на протяжении длительного времени трудятся те, кто день за днем приближал этот день Воинской славы советского народа — завоевывал нелегкую победу над фашистскими оккупантами. С каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится меньше, тем значительнее факт осознания того, что нам посчастливилось трудиться с этими людьми в одном коллективе.

Адам Трофимович ГЕРАЩЕНКО

Полковник в отставке Геращенко Адам Трофимович родился 25 ноября 1918 году в Могилевской области. В ряды РККА был призван 15 сентября 1939 году. Службу проходил в 4-й Донской казачьей дивизии, которая перед войной была преобразована в 210-ю мотострелковую дивизию. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности водителя 210-й мотострелковой дивизии. Принимал активное участие в боях при обороне города Минска и в тяжелых оборонительных боях в окружении в районе Могилева. Прорвавшись с остатками частей дивизии из окружения, рядовой Геращенко А.Т. принял активное участие в боях за города Севск, Трубачев, Льгов, проявив при этом личное мужество и героизм. С тяжелыми боями в составе 13-й армии рядовому Геращенко А.Т. пришлось второй раз выходить из окружения западнее Курска. В дальнейшем в составе роты подвоза боеприпасов 13-й армии сержант Геращенко А.Т. под смертоносным огнем противника доставлял боеприпасы на дивизионные

артиллерийские склады и огневые позиции артиллерии. Родина по достоинству оценила боевые заслуги Адама Трофимовича, за смелость и отвагу наградив его орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями.

Николай Иванович КАЛИНИН

Свою частичку вклада в победу внес и полковник в отставке Калинин Николай Иванович.

Родился Николай Иванович 9 марта 1925 года в семье служащих в городе Усмань Воронежской области, откуда 12 февраля 1943 года после окончания средней школы был призван в ряды Вооруженных Сил и зачислен курсантом Маршанского пулеметно-минометного училища. Через пять месяцев учебы 24 июля 1943 года он был направлен для прохождения службы в качестве рядового сапера в отдельный гвардейский саперный батальон 104-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

В марте 1945 года гвардии младший сержант Калинин Н.И. отправился на фронт, где в составе 3-го, а впоследствии и 2-го Белорусских фронтов участвовал в освобождении Чехословакии, Венгрии и Австрии. Родина по достоинству оценила боевые заслуги Николая Ивановича, наградив его медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За Победу над Германией», «За боевые заслуги».

Адам Трофимович и Николай Иванович и по сей день в строю. Они верой и правдой служат нашему роду войск, оказывая неоценимую помощь в деле подготовки офицерских кадров, военно-патриотическом воспитании курсантов и пользуются заслуженным уважением у всего личного состава академии.

Низкий поклон Вам, уважаемые ветераны, за ваше мужество, повседневное терпение в военных и послевоенных невзгодах. Наш долг, наша обязанность — сделать все возможное, чтобы жизнь ваша была спокойной и радостной, чтобы вы всегда были окружены заботой и вниманием.

Пусть наша благодарность согреет вас теплом. Мы искренне желаем вам крепкого здоровья и долгих лет жизни, счастья, благополучия, мира и добра.

Одесса, 1964 г.

Давид Ефимович ГОЛЬДМАН

И на Тихом океане свой закончили поход...

Давид Ефимович родился 1 августа 1921 года в Одессе в семье служащих. Отец был инженером, а мать врачом. После окончания школы с золотой медалью в райкоме комсомола ему предложили поступать в военное артиллерийское училище, как говорится «по комсомольской путевке». Однако он от предложения отказался и твердо решил поступать в военно-морское училище. В сентябре 1939 года он становится курсантом Высшего военно-морского Ордена Ленина инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского в Ленинграде.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. В Ленинграде вводят затемнение освещения. С началом боевых действий на Карельском перешейке курсантов 1 курса училища привлекают для строительства укреплений и оборонительных сооружений, а также для охраны военных складов. «Морозы стояли страшные, до минус 42 градусов, а мы в одних бушлатах», — вспоминает ветеран. Тогда-то он и получил обморожение пальцев рук и ног.

Но ничего, все обошлось. 12 марта 1940 года был подписан мирный договор между Советским Союзом

и Финляндией о прекращении военных действий обеими сторонами в 12 часов по ленинградскому времени. После окончания войны возобновилась учеба в училище, которая была прервана одним интересным событием. В 1940 году курсант Д.Е. Гольдман участвовал в параде войск на Красной площади, посвященном празднованию очередной годовщины Октябрьской революции. Это был последний предвоенный год.

Когда началась Великая Отечественная война, Давид Ефимович учился на втором курсе, а окончил училище с отличием в 1944 году. Однако в годы войны курсантов часто направляли на стажировку на боевые корабли, участвовавшие в боевых действиях.

Свою первую боевую награду — медаль «За отвагу» — он получил в феврале 1942 года за участие в потоплении немецкого миноносца, будучи членом экипажа подводной лодки Щ-207 Черноморского флота.

Часть подводных лодок Черноморского флота стояла на позициях с целью перехвата караванов судов противника, следовавших через пролив Босфор в болгарские порты Бургас и Варна. Их главной целью были транспортные суда, перевозившие вооружение и военную технику для Восточного фронта. В тот февральский день транспортные суда шли в сопровождении сильного конвоя миноносцев и охотников за подводными лодками. Подводная лодка Щ-207 атаковала и потопила миноносец конвоя, после чего подверглась сильной бомбардировке противника. Миноносцы и охотники фашистов сбросили на нее около сотни глубинных бомб. Лодка до утра пролежала на грунте на глубине 85 метров. Была повреждена часть приборов и ламп освещения. Запрещалось перемещаться по лодке и шуметь. Было очень холодно. Очевидно, фашисты решили, что уничтожили лодку

и ушли. И все же экипажу повезло — серьезных повреждений лодка не получила. Утром лодка всплыла и успешно дошла до базы.

В 1943 году Давид Ефимович участвовал в боевых походах уже на другой подводной лодке Черноморского флота — Щ-216.

В 1944 году из румынского порта Констанца наши моряки перебазировали две трофейные подводные лодки в Севастополь. Они получили наименование ТС-1 и ТС-2. Командиром электромеханической

группы на лодке ТС-2 был назначен лейтенант Д. Е. Гольдман.

В январе 1945 года с группой моряков Давид Ефимович отправляется в США, где в портах Аляски они получали военные корабли для нашего флота по лендлизу. В последующем он был назначен на тральщик Т-97, полученный от США, командиром БЧ-5. На этом же корабле наш ветеран встретил начало войны с Японией.

8 августа 1945 года Правительство Советского Союза выступило с заявлением о своем присоединении к Потсдамской декларации и о вступлении в войну с Японией. В этот же день наша эскадра, в состав которой входил тральщик Т-97, находившаяся в Японском море, была атакована японскими подводными лодками. Потом со своим тральщиком Гольдман участвовал в высадке морского десанта на Курильские острова и остров Сахалин. Неоднократно тральщик участвовал в установке минных заграждений на подходах к Владивостоку и другим нашим портам.

Войну Давид Ефимович закончил во Владивостоке, после чего проходил военную службу в различных должностях: дивизионного инженера-механика; флагманского инженера-механика бригады траления; флагманского ин-

женера-механика дивизии кораблей охраны водного района военно-морской базы.

В 1957 году Давида Ефимовича переводят на Черноморский флот в город Одессу на должность флагманского инженера-механика Одесской военно-морской базы.

За годы войны и службы Давид Ефимович был награжден многими государственными наградами, а именно тремя орденами и 21 медалью. В их числе такие награды как: орден Отечественной войны II-й степени; два ордена Красной Звезды; медаль «За отвагу»; медаль Ушакова; медаль «За боевые заслуги»; медаль «За оборону Кавказа»; медаль «За победу над Германией»; медаль «За победу над Японией» и другие.

В 1966 году Д. Е. Гольдман увольняется с флота. После увольнения он еще 25 лет проработал в морском проектном институте «ЛенморНИИпроект» в должности руководителя проектной группы.

С 1969 года ветеран Великой Отечественной войны капитан 1 ранга Гольдман Давид Ефимович проживает со своей супругой Ларисой Дмитриевной в доме 79 по Кондратьевскому проспекту. Они воспитали дочь, а еще у них есть внучка и правнучка.

Юрий Александрович ГОРДОН

Гордон Юрий Александрович родился 26 февраля 1922 года в г. Пскове, там же окончил десятилетку. В 1939 году уехал в г. Ленинград, где поступил в Электротехнический институт им. Ульянова (Ленина). Когда он учился на втором курсе института, ему исполнилось 18 лет, поэтому в ноябре 1940 года был призван в армию. С этого времени и началась военная служба Юрия Александровича.

Тревожный предвоенный год. Армии нужны подготовленные офицерские кадры. Юрия Александровича направляют в Сумское артиллерийское училище, по окончании которого он назначается командиром взвода управления в 1277-й артиллерийский полк (г. Термез). Затем его назначают заместителем командира батареи в 123-й корпусный артиллерийский полк (г. Ашхабад). Служба проходила нормально. Командир полка был офицером с академическим образованием и, увидев в заместителе командира батареи перспективного офицера, направляет его на учебу в Артиллерийскую академию им.

Ф. Э. Дзержинского, которая в тот момент находилась в г. Самарканде. Причем Юрия Александровича зачисляют сразу на второй курс командного факультета академии.

После успешного окончания академии Юрий Александрович получает назначение во 2-ю артиллерий-

скую дивизию прорыва, действовавшую в составе войск 3-го Белорусского фронта.

В должности командира батареи 152-мм ПГ МЛ-20 2-й артиллерийской дивизии прорыва Юрий Александрович с боями прошел Восточную Пруссию от ее восточной до западной границы по направлению: Вирбаллен, Гумбинен, Инстербург, Вьелау, Тапиау, Кенигсберг.

В Прибалтике он вначале принимал участие в ликвидации Либаво-Тукумской (Курляндской) группировки противника, получил сквозное осколочное ранение. Затем участвовал в зачистке местности от так называемых «лесных братьев» вплоть до июля 1945 года включительно.

Награжден четырьмя орденами (орден Отечественной войны I-й степени, два ордена Красной Звезды, польский орден) и 22-мя медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За взятие Кенигсберга».

За непосредственное участие в штурме столицы Восточной Пруссии города-крепости Кенигсберга получил благодарность от имени Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Проходя службу в кадрах ВС, в Москве — в Военной артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского и в Ленинграде — в Михайловской военной артиллерийской академии, Юрий Александрович в общей сложности проработал на кафедре разведки 45 лет.

За время пребывания на кафедре Гордон Ю. А. написал много лекций по разведке и методических

На фронте перед выходом на стрельбу прямой наводкой из 152-мм ПГ по форту «Гнайзенау» в Восточной Пруссии (Ю.С. Гордон в первом ряду справа)

материалов. Проводил занятия по артиллерийской инструментальной разведке, тактике разведки и иностранным армиям на Высших академических артиллерийских курсах (ВЛАК и АК) и на факультетах советских и иностранных слушателей. Он участвовал в подготовке более 15 000 офицеров с высшим образованием. Из них более 300 стали генералами, двое — маршалами артиллерии (Бойчук Е. В. и Михалкин В. М.). Ему принадлежит 116 изданных и официально зарегистрированных печатных работ (в том числе главы в 7 учебниках «Артиллерийская разведка», разделы в НИР, статьи в трудах академии и в военных журналах центрального подчинения).

К сожалению, Юрий Александрович не дожил до празднования 65-й годовщины Победы — 29 июня 2009 года его не стало. Но светлая память о ветеране Великой Отечественной войны, педагоге и ученом будет жить в наших сердцах.

К сожалению, Юрий Александрович не дожил до празднования 65-й годовщины Победы — 29 июня 2009 года его не стало. Но светлая память о ветеране Великой Отечественной войны, педагоге и ученом будет жить в наших сердцах.

Дмитрий Абрамович ДОМАНОВ

В 2010 году наш народ и все прогрессивное человечество отметили замечательный праздник – 65-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Однако всегда следует помнить, что «народ» – философская категория, под которой скрываются конкретные люди, на своих плечах вынесшие всю тяжесть самой страшной войны в истории человечества.

Один из таких людей – участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент Доманов Дмитрий Абрамович.

Более шестидесяти лет своей жизни он посвятил служению Отечеству, пройдя нелегкий путь от курсанта артиллерийского училища до доцента кафедры оперативно-тактической подготовки ракетных войск и артиллерии Михайловской военной артиллерийской академии.

Д.А. Доманов родился на хуторе Калиновском Вешенского района Ростовской области в большой крестьянской семье. Дмитрий Абрамович еще в детстве выделялся среди сверстников тягой к знаниям и умением донести свои знания до других. Поэтому сразу после окончания школы

в 1938 году он поступает в Вешенское педагогическое училище, которое успешно оканчивает перед самой войной, получает диплом учителя и путевку в жизнь.

Однако судьба распорядилась иначе, и молодой учитель 25 декабря 1941 года сам становится учеником, а именно курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища, которое к этому времени было передислоцировано в город Белорецк Башкирской АССР.

Именно здесь Дмитрий Абрамович начал постигать азы артиллерийской науки. Условия обучения были очень суровыми: ежедневно 10–12 часов учебных занятий, стрельбы, наряды, маневры, не оставалось ни минуты свободного времени. Шесть месяцев обучения в училище пролетели незаметно, и 25 июня 1942 года Дмитрий Абрамович успешно заканчивает училище. Лейтенант Доманов Д. А. как один из лучших выпускников получает назначение в Московскую зону обороны командиром взвода управления 488-го корпусного артиллерийского полка.

В октябре 1942 года полк был переброшен на Калининский фронт и стал 488-м армейским артиллерийским полком 4-й Ударной армии. В составе этого полка на должностях командира взвода, начальника разведки дивизиона, командира артиллерийской батареи Дмитрий Абрамович, практически не выходя из боев, совершенствовал свое артиллерийское мастерство. За проявленное мужество и героизм молодой офицер был награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Москвы».

Затем были ожесточенные бои под г. Велиж. Как вспоминает бывший командир полка, полковник в отставке М.Я. Шульберг, основная тяжесть в этих боях ложилась на командиров батарей и дивизионов, которым приходилось действовать самостоятельно, в отрыве от главных сил. В этих боях высочайшее мастерство (меткий и точный огонь) показали молодые офицеры — командиры батарей, и среди них капитан Доманов Д.А.

В мае 1944 года на базе 488-го корпусного артиллерийского полка и 43-го артиллерийского пушечного полка была сформирована 138-я армейская пушечная Краснознаменная, ордена Суворова II-й степени Демидовско-

Городокская артиллерийская бригада, в составе которой капитан Д. А. Доманов воевал до конца войны, принимая участие в операциях 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Особенно кровопролитные и жаркие бои проходили 26 июля 1944 года под г. Двинском (г. Даугавпилс). В этот день обороняющиеся немецко-фашистские войска предприняли 7 контратак на направлении действий 1-го дивизиона. Как вспоминает бывший командир дивизиона полковник в отставке И. Ф. Савельев, основной удар фашистских танков приняла на себя 1-я батарея капитана Доманова Д. А.

Сложность задачи заключалась еще и в том, что тяжелая артиллерийская батарея впервые вышла на прямую наводку и лицом к лицу встретилась с танками и пехотой противника. Однако благодаря мужеству бойцов и офицеров батареи, высочайшему мастерству и самообладанию командира батареи, поставленная задача была выполнена. Потеряв 3 танка «тигр», 2 штурмовых орудия «фердинанд» и большое количество солдат и офицеров, противник вынужден был отойти назад.

Великую Отечественную войну Дмитрий Абрамович закончил 8 мая 1945 года в Прибалтике, после разгрома и пленения Курляндской группировки немецко-фа-

шистских войск. Героические заслуги офицера-артиллериста к этому времени были отмечены орденом Боевого Красного Знамени.

После войны Дмитрий Абрамович продолжил службу в рядах Вооруженных Сил. Он настойчиво осваивал новую боевую технику, учил и воспитывал своих подчиненных, старался к любому делу

подойти творчески, глубоко и основательно разобраться во всех вопросах службы и боевой учебы.

В 1954 году майор Доманов Д. А. поступает в Военную артиллерийскую академию. С этого времени судьба Дмитрия Абрамовича неразрывно связана с этим старейшим учебным заведением.

После окончания Военной артиллерийской академии с золотой медалью в 1958 году, Д. А. Доманов проходил службу в должностях заместителя командира полка обеспечения учебного процесса академии, старшего помощника начальника учебного отдела, командира полка обеспечения учебного процесса. Работая на этих должностях, он пользовался авторитетом у своих сослуживцев и подчиненных. Все задачи, которые ставило командование, Дмитрий Абрамович выполнял с присущей ему энергией, настойчивостью, вдумчиво и серьезно подходя к любому делу.

Большой фронтовой опыт, служба в войсках, качественная и глубокая теоретическая подготовка сделали Д.А. Доманова высокопрофессиональным офицером-артиллеристом. Настало время передавать свои знания молодым поколениям. В 1967 году Дмитрия Абрамовича назначают на должность преподавателя, затем — старшего преподавателя, руководителя курсового коллектива преподавателей кафедры опе-

ративно-тактической подготовки ракетных войск и артиллерии Военной артиллерийской академии.

Несмотря на то что занимаемые должности предполагали значительный объем учебной и методической работы, в 1973 году Дмитрий Абрамович успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук, а в 1975 году получил ученое звание доцента.

Д.А. Доманов внес большой вклад в подготовку офицеров для ракетных войск и артиллерии (РВиА). При его непосредственном участии разрабатывались наставления и боевые уставы. Он проводил активную научно-исследовательскую работу в области боевого применения РВиА в современном бою. За время активной научной работы Дмитрий Абрамович создал свою научную школу. Он является автором и соавтором более 100 научных трудов и курсов лекций, учебника «Тактика артиллерии», шести учебных пособий для РВиА и слушателей академии. Под его руководством успешно защитили диссертации и стали учеными восемь адъюнктов и соискателей.

Родина высоко оценила заслуги Дмитрия Абрамовича в деле подготовки высококлассных военных специалистов. Уже в мирное время он был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I-й степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах» и многими медалями.

С 1986 по 1993 гг. после увольнения из рядов Вооруженных Сил полковник в отставке Д. А. Доманов работал доцентом 2-й кафедры Военного артиллерийского университета, а с 1993 года — научным сотрудником научно-исследовательской группы. Он проводит большую работу по разработке боевых документов для рода войск, оказывает неоценимую помощь адъюнктам и соискателям при подготовке диссертаций.

Хочется от всей души поздравить Дмитрия Абрамовича с 65-й годовщиной Великой Победы и пожелать ему крепкого здоровья, исполнения всех его желаний и замыслов, бодрого настроения, семейного благополучия и дальнейших творческих успехов на благо нашей великой Родины.

Иван Прохорович ДУВАНОВ

Дуванов Иван Прохорович, 15.04.1921 г. р., Воронежская обл., Хлевенский район, дер. Дувановка. Образование среднее техническое — Ленинградский техникум жилищно-коммунального хозяйства. Главный инженер районного жилищного управления Дзержинского района.

С 1940 г. служил в Ленинградский военном округе стрелок — рядовым в 18-й отдельной стрелковой бригаде.

В декабре 1941 г. перебросили в г. Ленинград на Ленинградский фронт, 42-я армия.

В 1943 г. стал старшим стрелком разведки. Участвовал в разгроме эстонского корпуса и Курляндской группировки.

В разведку у реки Тосно

В первых числах августа 1942 года командир дивизии генерал-майор Симоняк Н.П. дал указание командиру роты разведки взять «языка» в районе Ивановское. Командир роты разведки приказал взять «языка» нашему

отделению, которым командовал сержант Железнов И.М. Как я помню, это было 10 августа. Мы прибыли на передний край поселка Ивановское, где оборону держала стрелковая рота полка. Мы ознакомились с передним краем, саперы сделали нам проход через проволочное заграждение. 11 августа ночью мы поползли за «языком». Местность была открытая. Мы знали, где находится часовой. Когда мы не доползли до часового метров 6—8, он обнаружил нас и сделал выстрел. Я был вынужден бросить гранату, граната разорвалась и часовой погиб. Мы бросились в траншею и завязался бой. К нам быстро подошел наш разведзвод.

Немецкие солдаты в панике стали отступать, бросая свои огневые точки, пулеметы и гранаты. Мы немецкими гранатами стали их забрасывать и продвинулись примерно на 800 метров по немецким траншеям.

Поступила команда окопаться, мы окопались и ждали подкрепления. Но подкрепление не пришло. Немцы опомнились и открыли артиллерийский и минометный огонь по нам. Мы по приказу были вынуждены отступать. «Языка» мы не взяли, но зато уничтожили несколько десятков немецких солдат и офицеров. По документам убитых была уничтожена группировка врага. С нашей стороны был убит командир роты разведки Игнатъев и один разведчик, три разведчика были легко ранены.

Разведчики при прорыве блокады Ленинграда

В декабре 1942 года поступил приказ командира дивизии генерал-майора Симоняка Н.П. организовать наблюдательный пункт на правом берегу Невы и восстановить наблюдение в районе поселка Марьино.

И вот наше отделение разведки днем и ночью вело наблюдение. Цель наблюдения — выявлять огневые точки противника: артиллерию, минометы, пулеметы и передвижение живой силы противника. Мы выявляли точки и регистрировали их в журнале наблюдения. 11 января 1943 года генерал-майор Симоняк Н.П. прибыл поздно вечером на наблюдательный пункт, его интересовало, какие огневые точки противника

ми, и наблюдать за ходом боя стало невозможно.

Мы, разведчики Егоров, Грунин и я, выскочили из траншеи с лопатами и быстро откопали амбразуру наблюдательного пункта. Генерал-майор Симоняк Н.П. мог вновь наблюдать за ходом боя.

17 января 1943 года поздно вечером генерал-майор Симоняк Н.П. приказал разведать в районе 5-го поселка, где находится противник. Когда мы подходили к 5-му поселку, была еще автоматная перестрелка. Но в скором времени перестрелка затихла. Когда мы вошли в 5-й поселок, там была группа наших разведчиков, которой командовал старший лейтенант Бровкин А.И. Мы узнали, что в поселке немцев нет. Об этом мы сразу доложили генерал-майору Симоняку Н.П.

...В скором времени, 18 января, утром, появились солдаты батальона Собакина, через некоторое время солдаты Волховского фронта. Мы, разведчики, четыре человека: Бескровный, Егоров, Грунин и я, все время находились в распоряжении генерал-майора Симоняка Н.П. и выполняли лично его указания.

*И.П. Дуванов,
командир отделения разведки*

Евдокия Павловна ЕЛЬЦЫНА

Девушка на фронте

В 1941 году я была студенткой первого курса Областного педагогического института. Сообщение по радио о начале войны и последующее выступление Молотова нас потрясли, мы бросились в свой комитет комсомола, затем в Василеостровский райком, чтобы просить отправить нас на фронт. В райкоме комсомола увидели огромную очередь таких же, как мы, добровольцев: нас записали, а затем стали решать, где каждый может быть более всего полезен. Меня направили в народное ополчение Василеостровского района в санитарную роту. В здании исторического факультета университета нас стали учить санитарному делу, но, надо сказать, что в нем мы не были новичками: очень хороший курс санитарии мы прошли в институте на занятиях по военной подготовке. Учеба длилась до 17 июля, а 18 июля наша санитарная рота была придана 277-му отдельному артиллерийско-пулеметному батальону и в его составе маршем направилась сначала под Дудергоф, а потом под Разбегаево.

Разбегаево с двух концов начало гореть, по нему били немецкая и наша артиллерии. Высоко стояло заре-

во пожара. Мы закончили эвакуацию раненых. Нашу санроту отвели за земляной вал, где стояли орудия 277-го артиллерийского батальона. А через два дня было приказано свернуться, взять всё, что можно унести, и лесом идти по направлению к Ленинграду. Мы пытались выйти на Ропшинское шоссе, но немцы пустили по нему танки и простреливали его. Мы снова скрылись в

лесу. А в лесу в это время было видимо-невидимо брусники. И когда мы шли, растапывая ее, казалось, кровь разливается по зеленой траве-мураве, и лес кровавыми слезами оплакивает наш отход.

На пути от Разбегаево к Ленинграду мы встретили части 11-й стрелковой дивизии, которая с боями отступала из Прибалтики и подбирала, включая в свой состав, остатки народного ополчения. Первым, кого мы встретили, был старший врач санитарной части 72-го артиллерийского полка 11-й дивизии Трауберг. Он направил нас в штаб дивизии, где мы были распределены по полкам. Я оказалась в 219-м стрелковом полку, вместе со своими девочками: Ирой Громовой, Мусей Колесовой, Валеи Володичевой, Галей Васильевой и другими. Это было в последних числах сентября.

Организованность, порядок, которые мы сразу же ощутили в полку, вселили такое облегчение, что вечер и ночь мы спали как убитые. Я проснулась от какого-то разговора. Голос довольно громкий, ироничный спрашивал: «Это-то и есть пополнение?!» Приоткрыла глаза, смотрю, стоит военный, со шпалами в петличках, весь перепопсанный ремнями, пистолет в кобуре: «Что я буду делать с этим пополнением?..» — продолжал он. Это был врач полка, капитан медицинской службы Николай Алексеевич Ельцын.

Позже мы подружились с ним, и он оказался не очень строгим, но такова была первая встреча.

Чётко помню бои за Петергоф. Мы, девочки — санитарные дружинницы, были на батальонных медпунктах, а бывшие василеостровские ополченки — на полковом медицинском пункте (ПМП).

Всем нам хотелось быть там, на поле боя! О событиях на передовой нам рассказывали раненые, которые оттуда ползли, шли или которых везли на повозках. Они рассказывали, что наши стоят у Английских прудов, на станции Петергоф, что Английский дворец разрушен, что остался от него только подвал, а в подвале раненые. Вот туда-то мы и пытались пробраться. Но нас гнали командиры; помню, как один из них, Титов (он был из василеостровского ополчения), увидев нас, приподнялся, а потом совсем выскочил из укрытия, втолкнул нас в него, выругал, дал солдата в провожатые и выпроводил с передовой. Ушли мы все-таки не пустые: унесли с собой двоих раненых.

Вскоре всех девушек, находившихся в батальонах полка, сосредоточили в полковом медицинском пункте. Размещался он на горе, в каком-то дворце. С горки хорошо был виден Кронштадт и то, как фашисты его бомбили. Били фашисты и по горке, где стоял наш ПМП.

Однажды мы с Мусей Колесовой только вышли на улицу, как в наш дом попал снаряд и, полдома исчезло на наших глазах! Хорошо ещё, что в той половине не было раненых. Вскоре ПМП перевели в другое, более безопасное место.

Помню маленький деревянный домик на краю Мартышкино, там был полковой медпункт. Сюда с батальонных медпунктов прямо с передовой доставляли раненых. Помню, притащили одного солдата с перебитым бедром, он был почти белый от потери крови. Его перебинтовали,

наложили шину. Перевязываем его, а боли он, кажется, не чувствует и все порывается подняться, говорит, что ему надо на передовую, что его там ждут!

В начале ноября 1941 года 11-я стрелковая дивизия через Финский залив с Ораниенбаумского плацдарма переправлялась в Ленинград. Нас поместили в трюме транспортного судна. Только мы устроились — приказ: всем выйти наверх! А наверху незабываемая картина — немецкие самолеты, огромные столбы воды и какой-то тонущий транспорт. Представилось, что теперь-то всё — конец! Кругом вода, стоящая столбами, качает нас из стороны в сторону! А я плавала плохо. К счастью, до Ленинграда нас доставили благополучно. Разгрузили. Построили. Пешим строем через Ленинград шли долго-долго. Город казался опустевшим. Мы оказались в блокаде Ленинграда.

Сначала разместили нас в деревне Мурзинка, затем переместили в район Колпино, где прежде были кирпичные заводы. В огромных печах, в которых раньше обжигали кирпичи, разместился полковой медицинский пункт.

Наш полк, как и вся дивизия, получил пополнение из ленинградцев, которые уже испытали на себе голодную блокаду. В районе размещения ПМП плохо было с питьевой водой, хоть болот вокруг было много. Мы стали брать воду из речки, а она была плохой — начались желудочно-кишечные заболевания. Этому способствовал и блокадный рацион.

Особо тяжёлых больных мы отправили в медико-санитарный батальон (МСБ), менее тяжелых оставляли на несколько дней у себя. Те, что оставались у нас в ПМП, получали лекарство (помню, это был бактериофаг) и, кроме того, больным рекомендовали меньше есть хлеба и соленой пищи. Но они получали блокадный паек — куда меньше-то! Есть хотелось — не передать как!

Больные тоже были голодны, а им выдавали паек, который не рекомендовали есть. Как удержать голодных и больных людей от того, чтобы они не съели свой скудный паек?! Мы придумали. На виду у всех повесили полочку повыше, на нее-то и клали все пайки, надписывая, кому они принадлежат.

Представьте, голодные больные люди голодают день,

два, три. У них на глазах накапливаются пайки. Мы давали им есть маленькими дозами — крохами. А что давали-то! Хлеб, который рассыпался в руке как земля, и шпроты — баночку на двух или трех человек! Чтобы вынести это, надо было иметь ни с чем несравнимую волю!

Один из больных изводил нас разговорами: «Вот я умру, а паек вам достанется, потому-то вы его мне не даете». Шутил ли он так зло или голод ему становился невоготу — не знаю. В конце концов он нас допек. Мы отдали ему все скопленные пайки под честное слово, что он их есть не будет. А он съел... и утром умер. Когда мы проверяли его документы перед захоронением, у него на груди оказался орден Красного Знамени и документы, свидетельствующие, что он получил его в финской войне. Видимо, он был мужественным и храбрым воином в бою, но голод перенести не смог.

Подразделения 219-го стрелкового полка занимали оборону недалеко от Колпино. Нас посылали в батальоны и роты, чтобы на месте выявить желудочно-кишечных больных. И что же мы иногда видели? Подойдешь к бойцу, он стоит, прислонившись к брустверу, рядом винтовка. Заговариваешь с ним — молчит. Толкнешь — падает. Оказывается, не каждый, заболев, шел в медчасть. Так, с винтовкой в руках, не покидая поста, блокадные ленинградцы умирали. Умирали стоя!

В начале 1942 года дивизия передислоцировалась через Ладожское озеро на Большую землю, под Погостье, и вошла в состав 54-й армии, которая вела бои по прорыву блокады Ленинграда с Волховского направления на Любань. Под Погостьем мы наступали. Мы видели пленных, раненых и убитых фашистов! Русский человек не мстительный по натуре, а вот там, под Погостьем, вид пленных и убитых немцев вливал в нас силы и веру в победу. Мы наступаем! К тому же в изумление приводил вид пленных: дрожавших, в тонких шинелях, в холодных кепи, поверх которых на головах у многих было накручено какое-то тряпье; в огромных, сплетенных из соломы то ли лаптях, то ли сапогах.

Под Погостьем наш полковой медпункт разместился на песочке. Установили палатку. Откуда-то из-за железнодорожной насыпи везли к нам раненых.

Раненых было много. Бой шел неподалеку, местность простреливалась, рядом разрывались немецкие снаряды и мины. Палатка ПМП была небольшой. В середине столб, рядом железная печурка. Раненые, конечно, в палатку все не вмещались. Мы встречали их у палатки, сортировали: кого сразу на машину и в МСБ, кому требовалось обогреться — в палатку. А многим требовалась срочная помощь! Мы внимательно проверяли, чтобы у тяжелораненого были при себе документы. Легко- и средней тяжести раненых старались покормить. А если кто-то из них отказывался есть, то просили, чтобы хоть кусочек сахара взяли в рот, глоток кипяточка проглотили.

Работали, дежурили и день и ночь. Порой просто валились с ног. Тех, кто не выдерживал, отправляли в землянку отдыхать. Что значило «отдыхать»? Землянка маленькая, но с накатом, она не отапливалась, вход закрывала плащ-палатка. В землянке нары: возвышение из земли, покрытое прутьями, лапником и плащ-палаткой сверху. Спали во всем обмундировании, не раздеваясь, и в шапках, чтобы голова не примерзла к земляной стенке. Тесно прижимались друг к другу для тепла. И такой «отдых» был все-таки отдыхом, но казался он мгновенным. Только, кажется, заснула, а уже будят. Проснешься — земля дрожит от разрывов снарядов. А когда спишь — ничего не слышишь.

Раненые поступали и днем, и ночью. Особенно сложно было ночью. Темно. Освещением служила лампа-коптилка. Закрепить, подвесить ее нельзя: во время обстрела всё дрожало вокруг. Лампа могла упасть и тогда — пожар! Могли все погибнуть — сгореть вместе с ранеными под упавшей палаткой. Поэтому кто-то из нас должен был, стоя посередине, эту лампу держать в руках, чтобы площадь освещения была больше, и, если необходимо, можно было бы подвести свет ближе к раненому. Стоять с лампой никому не хотелось. Поэтому врачи и фельдшер Яша Иванов наказание придумали: нерасторопно перевязала раненого или задержалась при погрузке в машину, не подготовила или неловко подала перевязочный материал — стой с лампой! Стою. Руки, ноги немеют. Счастье, когда сменят.

Здесь, под Погостьем, к нам в ПМП часто привозил на волокуше раненых с передовой пожилой (так мне тогда казалось) мужчина. Привезет, молча сгрузит, молча посидит на освободившейся волокуше за углом палатки и, не сказав ни слова, уходит. И так каждый день. И однажды он так же притащил на волокуше раненого, перенес его в палатку. А потом долго, как-то необычно долго сидел с отрешенно-задумчивым видом. Я в это время вышла из палатки. Наблюдаю за ним. Показалось, что ему плохо. Подошла, спросила, что с ним. А он ответил: «Сядь, посмотри. Война идет, люди умирают, а лес живет. Вон этот лес — зеленый, а рядом на поляне снег с голубизной, а вон там лес опаленный, черный, и поверх снега черная земля. Сколько переходов, красок, тонов...» И кто бы, вы думали, был этот человек, каждодневно притаскивающий на волокуше раненых? Художник Зайцев. После войны он стал ректором Ленинградской Академии художеств.

В марте 1942 года со всех полков девушек-санинструкторов откомандировали в МСБ, но они недолго задержались там, вскоре опять ушли в свои полки. А меня избрали секретарем комсомольской организации. Но когда дивизия вела бои и, раненых было много, приходилось заниматься всем, а не только комсомольской работой: вместе с Васей Макаровым (прозвали мы его «Теркиным») стерилизовала инструменты в автоклаве, мыла их, стирала и перематывала бинты, готовила

вместе со всеми перевязочный материал. А летом 1942 года, когда дивизия была отведена на отдых и доукомплектование, вызвали меня в политотдел дивизии и сказали: «Нужно, обязательно нужно в МСБ организовать самодеятельность, с тем чтобы с ней побывать во всех частях дивизии».

Ну какие мы артисты? На что мы способны? Война второй год, всё, что знали, кажется, забыли! Правда, сразу же к этому делу подключился наш политрук Питирим Михайлович Логинов, а позже доктор Богуславский, который очень хорошо играл на аккордеоне. Выдали нам по куску материи, из нее мы сшили юбки. Из марли, старых маскхалатов — кофты, детали костюмов. Составили программу концертов: песни, декламация, танцы. Танцевали многие: Оксана Ганичева, Миша Шкурко, Вася Матуш, Аня Петрова, Аня Солодухина, Муся Кильвисте, Галя Мэри и все, кто хотел, кого можно было уговорить стать «артистом». Охотнее вызывались декламировать, петь. С такой «самодеятельностью» ходили мы по батальонам полков. Придем, для нас сдвинут две машины с откинутыми бортами — это наша сцена. «Казачка» станцуем, «русского» спляшем, что-то споем, продекламируем. И пользовались успехом! Конечно, было много казусов, смеха и слез. Все это в перерыве между боями. А много ли было таких перерывов?

В самом конце декабря 1942 года вызвали меня к начальнику политотдела старшему батальонному комиссару Векслярскому. Он сказал: «Рекомендуем тебя комсоргом во вновь формируемый противотанковый дивизион. Его командиром будет капитан Хачиров, заместителем по политчасти капитан Шишлов, начальником штаба лейтенант Ромашов».

В голову не пришло отказаться. Я помню, только спросила: «А что я там буду делать? Ведь в медсанбате я была и комсоргом и сандружинницей-санитаркой. А что я буду делать в противотанковом дивизионе?» Мне объяснили, что я сама и все комсомольцы дивизиона должны освоить технику и как можно лучше. Сама я буду командиром отделения роты противотанковых ружей. Но основная моя работа — быть комсомольским вожаком. Так, под новый 1943 год, я стала комсоргом 11-го отдельного истребительного противотанко-

вого дивизиона. Это был самый тяжелый для меня период войны. Орудия дивизиона обычно использовались на прямой наводке, и поэтому батареи были рассредоточены. Роту противотанковых ружей придавали другим подразделениям дивизии. Трудно было связываться с раскиданными расчетами, орудия батарей маскировали, а чтобы добраться до них, надо было преодолеть то поле, которое весной превращалось в болото, в «долину смерти». Приходилось ползти, перебежками передвигаться, иногда по колесу в ледяной воде. А если заметят немцы — начнут прицельно бить и надо ложиться в воду.

Приползёшь на батарею — нитки сухой на тебе нет, зато принесешь письма, газеты. Сама придешь — радость ребятам. И еще мы приносили им сухие дрова. Ребята окопались, соорудили землянки, в них — железные печурки. Но топить их можно было только днем: ночью летят искры, могли заметить немцы. Днем нужно было топить так, чтоб дыма не было видно, сухими дровами, вот мы и таскали им сухие дрова.

Хочется рассказать о наших «Боевых листках», о рукописных фронтовых газетах. Любили их в подразделениях 11-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Тем они были хороши и потому нравились, что писали в них о конкретных делах, о конкретных людях. Ребята знали, что затем их сдавали в политотдел. И как-то совпадало, что когда награждали кого-либо, то это соответствовало материалам «Боевых листовок».

Любили мы и нашу дивизионную газету «Красное знамя». К нам в дивизион часто приходил корреспондент «Красного Знамени» Борис Тяпкин. Он помогал оформить «Боевой листок», читал, делал замечания, давал советы.

В 1945 году я заболела, и меня откомандировали для работы в политотдел дивизии, в отдел партийного учета, где я и встретила конец войны.

Валентина Федоровна ЕМЕЦ

Родилась 23.02.1923 г., в Калининской обл., д. Ботавица, Санковского р-на. Окончила 10 классов в Ленинградской школе.

Была мобилизована военкоматом и переведена на положение состоящих в рядах Красной Армии без присвоения воинского звания и ношения формы в 1942 году.

34 Управление военно-полевого строительства, Управление оборонительного строительства № 1 инженерных войск Ленинградского фронта, военный строитель. (В состав УВПС-34 входили 2 военно-строительных отряда: ВСО-131 и ВСО-132. Эти отряды были сформированы из ленинградских женщин, мобилизованных в начале войны на оборонительные работы вокруг Ленинграда. В период 1944–1945 годов личный состав ВПС и ВСО продолжал выполнять военно-строительные работы и боевые задачи начальника инженерных войск фронта и УОС-1.) Боевой путь: Ленинград – Финляндия – Псковская область.

До войны Емец Валентина Федоровна работала статистиком в научно-проектном институте

ГлавЛенспирт на Литейном пр., д. 49, потом работала в конторе ИнструментСнабСбыт, тоже на Литейном, оттуда взяли на оборонные работы в 1942 году.

Спустя время вернулась туда же на работу и оттуда ушла на пенсию.

Воспоминания

В Ленинград приехали в 1930 году, а потом на отца кто-то что-то написал, и его сняли с работы и обратно отправили в деревню. Мы все туда вернулись. Папа был болен туберкулезом, а его начальник в деревне спросил, правда ли то, что на него написали, будто он имел лавку. Папа плакал, он только мальчиком на побегушках был. Потом папа умер, и мы обратно приехали в Ленинград. Все успокоилось, мама после смерти папы ездила к Крупской, потому что нас хотели выгнать из занимаемой нами комнаты в бараке. Крупская все сделала, все в порядке у нас стало.

Нас у мамы было 6 человек, и я в 16 лет уже пошла работать. Меня взяли в институт, в научно-проектный (ГлавЛенСпирт), на Литейном 49 он был. Меня туда взяли статистиком, научили потом на счетах считать, с бухгалтерией познакомили, очень хорошие люди там были.

Потом началась война. Все разбежались, всех на фронт взяли. А потом я работала в конторе ИнструментСнабСбыт, тоже на Литейном, я там работала товароведом по абразивным инструментам. Я жила на Крестовском острове, и мы пешком ходили на Литейный.

Начался голод. У меня брат ушел на фронт после 10 класса. Сначала его не брали, а он сидел и из военкомата не уходил, пока его не взяли и отправили учиться в Ижевск в военное училище. Мы остались с мамой 5 человек. Сестра во время войны родила мальчика, его называли в честь меня — Валя. Он пожил месяц и умер и мама его, старшая сестра Соня, тоже умерла. Это было в голодный 1941 год, был голод сильный. У нас случилось так, что каждый месяц кто-то умирал. Сначала мальчик Валя умер в январе, в феврале Соня, потом мама умерла в следующий месяц. И я всех хоронила: ну как хоронила,

мне помогала одна женщина, Оля со второго этажа. Она помогала в морг возить на двух санках. Нина умерла в 13 лет, у нее была водянка, она распухла. Хорошая была девочка! И самый последний умер Коля в мае месяце. Он все просился в баню: «Валя, я поеду в баню», я говорю: «Баня-то не работает», а он говорит: «Да я на самокате поеду, ты не волнуйся». Он тоже умер.

Я бы тоже умерла, если бы меня не взяли в армию, потому что у меня цинга была очень большая: вот я утром встаю, а кровь во рту спекшаяся. Однажды зимой 1941-го я пошла на Малую Невку за водой и завалилась, упала вся замотанная такая, никак не встать, а военный подошел и говорит: «Бабушка, вставайте!», а я так голову подняла, посмотрела на него такими глазами, что он даже испугался. Говорит: «Ой, девочка! Прости меня, пожалуйста». Потом он мне дал буханку хлеба. Говорит: «Я бы проводил тебя, да тороплюсь по заданию», и банку консервов дал мне.

Потом я работала в ИнструментСнабСбыте, и нас всех взяли на оборонные работы в Куйбышевский район. Это был 1942 год. Остался только один начальник. Потом был приказ всех мобилизовать через военкомат в Красную Армию. Нас взяли 15 тысяч человек, но надо было всех и одеть, и обуть, а обмундирование взять негде, и поэтому нас сделали как вольнонаемных. Без пайка, безо всего, но дисциплина военная, и делали мы всё. Доты, дзоты рубили, срубы делали, деревья валили. (Создавали батальонные узлы обороны, состоящие из дзотов, стрелковых окопов, открытых артиллерийских и минометных позиций, наблюдательных и командных пунктов, убежищ и ходов сообщений. Создание противотанковых препятствий. Обеспечение подразделений переднего края «ползунками» для пулеметных гнезд, элементов срубов для укрытия личного состава и боевой техники. Заготовка большого количества фашинов для укрепления боевых позиций частей, располагавшихся в районе Синявинских болот. Минирование отдельных участков фронта и разминирование больших территорий Ленинградской и Псковской областей после снятия блокады. — Прим. Взято из «Альбома памяти».) А девочки все были такие миниатюрные — от 16 до 40 лет. И мы объездили всю Ленинградскую область и в Финляндии были.

В Пскове мы уже были в конце войны. Копали окопы, срубы рубили, лес валили. Окопы маскировали. И больше всего вязали фашины. Вот когда снимали блокаду на Синявинских болотах, там были такие болота не проходимые, и немец на них очень мало внимания обращал. Думал, что они не проходимые, значит, туда никто не пойдет, и враг их не особенно оберегал. И вот мы вязали фашины и носили их на дорогу. Сколько мы навязали этих фашин! Несчетное количество. И потом мы их укладывали на болото, и проходили там даже танки. В общем, у нас очень большая работа была.

Потом мосты строили. Раз маршал Говоров приезжал. Он пришел к нам и спросил: «Кто это делал?», а это мы мост строили. Ну как строили: разбомбили мост, а мы укладывали, если могли, то по низу, река так идет, по низу делали по воде и делали эти мосты. Потом щебень нужен был — так мы кололи камни. Молотки ТАКИЕ были! Так, если хорошо стукнешь, то разлетится камень, но если только стукнешь — то все содрогнется прямо внутри.

Мы изъездили всю Ленинградскую область. Мы были все молодые девчонки, работали «от» и «до». Но все равно молодость брала свое, мы любили и поплясать, и песни попеть. А немцы очень любили губную гармошку, и вот мы нашли одну такую гармошку, и девочка у нас одна музыкальная была и нам играла, а мы пели. Голодные, холодные, а песни все равно поем! Спали просто в траншеях. И в палатках. И на работу мы в ботинках идем, до болота дойдем, ботинки снимем и босиком через болото бежим. Перебежим и скорей надеваем.

А победу я встретила так. Я уже всех своих родных похоронила и была совсем одна, и потом демобилизоваться мне надо было, дали мне комнату, а она вся без окон, окна все выбиты были. И мне так грустно стало, думаю, война кончается, а мне и деться некуда, и я одна осталась — помощи никакой. Иду в 4 часа утра просто по рельсам около Пскова. Просто иду. Идет мужчина и говорит: «Девушка! Война кончилась!» И я так обрадовалась! Кончилась война! И я побежала скорей, а мы в палатках жили, побежала и кричу: «Девчонки! Вставайте! Война кончилась!»

Я демобилизовалась в 1945 году.

Федор Анисимович ЕМЕЦ

Родился 24.07.1920 г., в селе Никифоровцы Вороновицкого района Винницкой области, Украина. Окончил автомобильный техникум в Ленинграде. Работал в сельском хозяйстве.

После войны работал начальником колонны в автобусном парке № 6 г. Ленинграда, затем инструктором в автошколе, расположенной на территории нашего округа.

Призван в Красную Армию и попал на фронт в 1939 г. на должность шофера в 14-й гвардейский полк. Прошел боевой путь от Ленинграда, через Прибалтику до Берлина. Войну закончил в Берлине.

Воспоминания

1945 год. Ехали с Риги. Пришла команда: «Все машины в штаб». И в штаб я приехал, машина у меня большая, как дом, ЗИЛ-6. Приехали; оказывается немец прорвал фронт, и нужно немедленно войска придвинуть. Нам нагрузили снаряды, и мы поехали, а поехали уже поздно — немцы заняли там все, всем приходится окопаться, а я? Куда деваться мне? С машиной?

Как окопаться? «Ты откуда приехал?» — мне говорят.

Я: «Оттуда, с нашей территории, с советской сто-

роны еще немца нету. Ну вот, куда машину-то ставить?» А мне говорят: «Ты приехал отсюда, с части, с 14 полка», и шапку немецкую мне раз на голову, китель немецкий — два. «Вот, видишь, колонна немецкая идет? Иди справа». Я так справа держусь, в немецкой колонне еду. «Будет мост через речку — на мост поворачивай, там за мостом будут наши вой-

ска». Я на мост повернул, поломал там шлагбаум немецкий, слышу, пули об кузов стучат, стреляют по мне, но я проскочил мгновенно. Прикатил — там уже наши. «Ой, немцы приехали, немцы!» — там все всполошились. Пришел командир: «Ты кто такой?» «Я боец, 14-й гвардейский полк». Шапку скинул, китель скинул, ну а у меня гвардейский значок был и медаль «За боевые заслуги». «Ой, ты наш! Как ты нам нужен! На нашей батарее осталось по два снаряда на пушку. Тут надо отступать, наверно. Вот снаряды лежат, грузы на машину». Мне солдаты накидали, я привез к штабу, крик помню, солдаты кричали: «Снаряды привезли! Снаряды привезли!» И выбежал офицер, а я голодный, не большой ростом, шинель длинная, по земле волочится. Он меня как схватил вот так (*показывает*), крепко обнял: «Сынок! Родной! Ты же фронт выиграл!», а я: «Я хлеба хочу». Меня покормили, все хорошо, и я лег спать в кабинке. Снаряды сразу разгрузили, увезли. Сплю, открываю глаза — офицер опять ко мне идет: «Ты пойдешь спать к старшине в каптерку, а машину передай этому солдату. Он поедет тоже за снарядами, за вооружением». Я поднял крик: «Не дам машину! Моя машина! Я поеду!» И я съездил. А машину увенчали ветками. В общем, выстлали все машины ветками: одни ветки, кузов — лес. И вот я приехал, опять разгрузили, все по-разному, вот, я привез, опять офицер подбежал: «Родной! Нам снарядов хватит до Берлина! Спасибо тебе!», я говорю: «Я хлеба хочу». Меня покормили немножко, все хорошо. Пушки

пришли, катюши пришли, там открыли такой огонь, что лес горел. Потом слышу, громкий голос: «Батальон в атаку! Ура!» Крик такой страшный был, что немцы все испугались и побежали.

Наши заняли Берлин, мы приехали и батарея наша. Потом команда пришла — все войска наши на русскую территорию.

Ну приехали, устроились, меня в штаб вызывают. Я в штаб захожу, а там уже много повывывали украинцев. «Вот тебе большая благодарность за службу, теперь демобилизуем!» «Как? Куда?» «На Украину». Я такой поднял крик: «Не поеду! Я в Ленинграде в блокаде был. Пацаном был — защищал Ленинград. Все, не поеду!», а офицер говорит: «Деньги в карман и до свидания!» Пошел на Балтийский вокзал и поднял такой крик, что милицию вызвали. Я рассказал, что никуда не поеду. А вспомнил такую вещь, что одна девчонка сидела в трамвайчике и плакала очень (*«Это он про меня рассказывает», — вставляет жена, Емец Валентина Федоровна*), а я ехал на работу патрулем: «Ты чего плачешь?» «Три дня не ела ничего». Я ей кусочек хлеба дал, она покушала. Я говорю: «Знаете что, через три дня будет смена, привезем что-нибудь». Я сказал старшине, сказал офицерам, они по кусочку все отломали, старшина дал две ложки крупы и две картошины. Все в мешок — и поехали. Приезжаем — сидит, ждет. Мы отдали все, все в порядке. Я это вспомнил, у меня был записан адрес и телефон ее. Звоню: «Я на вокзале, на вокзале сплю, меня демобилизовали, я не хочу ехать на Украину» «Приезжайте!» Вот я там разместился, пошли к коменданту города: «Как быть мне, прописаться надо».

Что надо он мне сказал, и устроили меня на работу. Начал возить продукты. Немножко в карман брал, по горсточке, немножко мне давали за то, что грузил, и вот она кашу варила (*показывает на жену*). Вот так.

Андрей Кириллович ЕПИХИН

О начале войны я узнал в 12.00 22 июня 1941 года. В это время я был курсантом учебной батареи младших лейтенантов запаса 379-го артиллерийского полка 147-й стрелковой дивизии.

На следующий день я стал курсантом Днепропетровского артиллерийского училища, которое только начало формироваться. Учиться в училище практически не пришлось, так как училищу была поставлена задача: вместе с общевоинским училищем подготовить и занять оборону на западной окраине города. Курсанты действовали как пехотинцы.

Во второй половине июля немцы вышли к нашей обороне, где встретили упорное сопротивление. Им удалось потеснить 4-й дивизион, сформированный из студентов вузов города. Нам было приказано провести контратаку и выбить противника. В этой контратаке, которая проводилась без огня артиллерии, психического состояния я сейчас воспроизвести не могу. Бежал и стрелял из винтовки СВТ. Мысль была одна: добежать до рубежа, указанного командиром взвода.

Нам удалось эту задачу выполнить, оборона 4-го дивизиона была восстановлена.

25 августа мы по приказу оставили правобережную часть города. На левом берегу идет бой в городе. Стреляют везде, и не поймешь, где наши, где немцы?

Вновь участвовал в атаке с целью освобождения захваченного немцами дачного пригорода Днепропетровска, и снова все обошлось.

Но в день своего 20-летия, 28 августа, не повезло — я был ранен осколками неизвестно откуда прилетевшей немецкой мины. Сделал для себя практический вывод: мину или снаряд, который разорвется близко, на подлете не услышишь.

После излечения в госпитале я был направлен наводчиком противотанкового орудия в противотанковый дивизион 13-й стрелковой бригады, которая формировалась в Краснодарском крае (станция Лобинская).

Бригада в составе 56-й армии участвовала в освобождении г. Ростова, затем успешно продвигалась вперед, но в 3—4 км от г. Таганрога вышла к подготовленной немцами обороне и дальнейшего успеха не имела. Бригада перешла к обороне и в течение зимы несколько раз меняла участок обороны вдоль фронта.

Из первой траншеи обороны нашей бригады шли в атаку вновь прибывающие соединения, но безуспешно. Причина одна и та же: атака начиналась после окончания артиллерийской подготовки, но никакой артиллерийской поддержки не было.

В апреле 1942 года 13-я стрелковая бригада в тылу была реформирована в дивизию. К великому сожалению, наступление войск Юго-Западного фронта на Харьковском направлении в 1942 году провалилось. Немцы прорвали наш фронт, захватили северную часть г. Воронеж и вошли в прорыв. Нашей дивизии была поставлена задача остановить прорывавшуюся группировку противника.

Дивизион шел в авангарде дивизии и развернулся к бою, когда до немецких колонн было еще 3—5 км. В это время рядом с нашими ОП развернулась батарея БМ-13 и полупрямой наводкой произвела залп по колонне противника. Машины противника начали гореть. В это время развернулся авангардный полк нашей дивизии, а затем и ее главные силы. Дивизия разгромила немецкую группировку и соединилась с частями, оборонявшими южную часть г. Воронежа. Начались ожесточенные бои за город, в которых довелось участвовать до середины августа.

В сентябре этого же года я был направлен на учебу в Харьковское артиллерийское училище, которое было передислоцировано в глубокий тыл в город Фергану.

Спустя 6 месяцев в мае 1943 года в Московском учебном артиллерийском центре в г. Коломна был сформирован 1510-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, командиром одной из батарей которого я был назначен.

Формирование полка было поставлено на поток: на одном заводе «клепали» орудия, на другом — собирали автомобили «додж» и «виллис», а на третьем — изготавливали автоматы ППШ. Батарея получала орудия, средства тяги и вооружение для личного состава. В один из дней мастер цеха, где вручались автоматы, предложил мне первыми для вручения автоматов назначить двух солдат, которые уже были в бою. Я вызвал из строя солдата, прибывшего в полк из госпиталя. Навстречу солдату вышел паренек лет 13—14 с автоматом в руках и сказал: «Мама получила похоронку. Вручаю Вам сделанный мною автомат. Отомстите за бату». Аналогичные слова произнес и другой паренек.

Железнодорожным транспортом полк прибыл на территорию Степного фронта и был включен в состав 3-го гвардейского Сталинградского механизированного

корпуса. Шла подготовка к Курской битве. Была проведена серьезная практическая подготовка полка в полевых условиях для борьбы с танками: от изучения силуэта танка до обкатки расчетов орудий танками. В оборонительной операции батарея участвовала в боях в составе полка или самостоятельно.

Полк — противотанковый резерв корпуса — занял противотанковый рубеж ночью. Три орудия занимали ОП относительно компактно, а 1-е орудие во главе с командиром взвода лейтенантом Демидовым за дорогой в 500—600 метрах от них.

В этом бою в живых остался только один номер расчета этого орудия, который рассказал следующее. Лейтенант Демидов, убедившись, что бронепробиваемость снаряда не пробивает лобовую броню «тигра», скоординировал: «Расчет в укрытие». Когда атакующий танк был в 200—300 метрах от орудия, почему-то танк прошел мимо орудия. Расчет развернул орудие и успел произвести один выстрел в корпус танка. Этого оказалось достаточно для уничтожения танка, но другой танк противника раздавил орудие и расчет.

Благодаря контратаке нашей танковой бригады полк смог удержать занимаемый рубеж.

Вечером мы похоронили в орудийном окопе погибших, точнее, то, что осталось от них.

Моя батарея была придана механизированной бригаде и составила ее ПТРез.

Группа немецких танков появилась в 1,5—2 км — впереди и на флангах соседей нет. Напряжение росло. Вдруг с нашего тыла появилось звено штурмовиков Ил-2. На бреющем полете самолеты нанесли удар реактивными снарядами по танкам, настроение повысилось. Примерно через 2 минуты наша артиллерия открыла огонь по противнику с закрытых

ОП. Это дало надежду нам выжить, и каждый из нас готов был кричать «ура». С подходом танков на дальность прямого выстрела батарея открыла огонь, в результате совместного огня было подбито 3 танка, остальные скрылись в балке.

За успешное выполнение задания командования я был награжден орденом Отечественной войны II-й степени. Награждены были сержанты и рядовые, в том числе посмертно.

В боях этой наступательной операции батарея привлекалась к артиллерийской подготовке атаки и вела огонь с закрытой ОП.

Затем наш корпус с 10-м танковым корпусом составил оперативно-маневренную группу фронта, которая была введена в прорыв с задачей — не ввязываясь в бой, углубиться на 150—200 км, захватить оперативные объекты. Полк действовал в составе авангарда, моя 1-я по номеру батарея двигалась в голове колонны полка.

Легко сказать «не ввязываясь», но в действительности через каждые 5—10 км мы встречали сопротивление немцев. В этом случае разворачивалась головная рота или даже батальон и одна или несколько батарей полка. Огонь вели прямой или полупрямой наводкой, а иногда и с закрытой ОП. В одном из таких боев я был тяжело ранен. Помню, что разговор врачей шел об ампутации ноги, а я, приходя в сознание, искал полевую сумку, в которой лежал пистолет. Но все обошлось, и через 4,5 месяца лечения в трех госпиталях и месячного отпуска я был признан ограниченно годным к военной службе и назначен в запасной артиллерийский полк, который готовил специалистов для артиллерийских частей действующей армии.

Так для меня закончилась война.

Александр Иванович ЕФРЕМОВ

Когда началась война, Александр Иванович Ефремов только что окончил среднюю школу в городе Мурманске.

В августе 1941 года его призвали в армию и направили на артиллерийские курсы, которые были развернуты здесь же.

В это время решением Ставки был создан Карельский фронт. Его войска вели тяжелые оборонительные бои, прикрывая направления, выводившие противника к главной базе Северного флота Полярному, к незамерзающему порту Мурманск и к Беломор-Балтийскому каналу.

Овладев Советским Заполярьем, враг лишал бы Советский Союз военно-технической помощи союзников по антигитлеровской коалиции через Северные морские пути.

Долго учиться Александру Ивановичу не пришлось. Уже в конце ноября 1941 года он окончил курсы и был направлен командиром взвода противотанковой батареи в 112-й стрелковый полк (впоследствии 35-й гвардейский стрелковый полк) 14-й армии, которая вела бои в Заполярье. Против 112-го стрелкового полка действовали части австрийского горно-стрелкового корпуса.

К этому времени враг был остановлен в 60 км от Мурманска.

Зимой 1941–1942 гг. наши войска проводили частые наступательные операции, не давая врагу покоя. В этих боях участвовал и Александр Иванович Ефремов.

В апреле 1942 года противник предпринял отчаянную попытку провести свою наступательную операцию.

Александр Иванович рассказывает:

«Немцы шли колонной и вышли на лед озера, на противоположном берегу которого оборонялся наш полк. Моя батарея открыла огонь. Немцы бросились врассыпную и стремились найти в ближайшем лесу укрытие. Они убежали, бросив на льду свои ранцы. Два наших бойца пошли собирать брошенные ими ранцы. Вдруг мы видим, что наши взяли винтовки на изготовку, а к ним из леса с поднятыми руками выходит рота немцев. Целая рота сдалась в плен без единого выстрела. Оказалось, что командир батальона послал взвод разведки прочесать лес, в котором скрылся противник. Противник растерялся и сдался в плен. Эти два бойца были награждены, а случай этот описал в газете военный корреспондент Евгений Петров, соавтор И. Ильфа, с которым они написали “Двенадцать стульев” и “Золотого тельника”.

И все же условия, в которых приходилось воевать, были крайне тяжелыми.

В апреле 1942 года наши войска предприняли отчаянную попытку отбросить немцев от полуостровов Средний и Рыбачий.

В мае разразился ураган. Он длился, не переставая, несколько суток. Ураганный ветер срывал снег с сопок и нес его в лощины. Тяжелые рогатки, установленные перед передним краем, порывами ветра уносились более чем на километр. Войска попали в снежный плен.

В Заполярье у кромки континента такие явления не являются редкостью. Необходимые меры защиты были предприняты. Были ограничены всякие перемещения личного состава. На орудия ставили банники, чтобы легче их было найти под снегом.

Последствия урагана сказались также и на противнике. Сбитые с позиций они не могли противостоять урагану и несли тяжелые потери. Но и нашим войскам было

нелегко. Ураган застал на марше 152-ю стрелковую дивизию, которая шла к фронту нам на усиление. Командование дивизии, видимо, не представляло себе боевых условий в Заполярье. Дивизия была направлена на фронт в летнем обмундировании. К фронту вела всего одна дорога, по которой и совершала марш дивизия. Вдоль дороги по тундре не росло даже кустарников. Солдаты не могли развести костры, чтобы согреться и подкрепиться горячей пищей. Марша как такового уже не было, а было медленное продвижение вперед с длительными остановками. Из-за обморожений и истощения личного состава дивизия полностью потеряла боеспособность».

Все лето наши войска не наступали. Лишь в сентябре возобновили наступление, поскольку немцы не оставляли попыток прорваться к Мурманску. Дивизия, в которой служил Александр Иванович, шла на соединение с бригадами морской пехоты, оборонявшими полуострова Средний и Рыбачий. После воссоединения эти бригады вошли в состав дивизии.

Такие изнурительные операции проводились до осени 1944 года. За три года противник в условиях горно-лесистой труднопроходимой местности создал сильную оборону.

7 октября 1944 года после артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 35 минут началась Петсамо-Киркинеская операция. В результате операции 14-я армия, в состав которой входил 35-й гвардейский стрелковый полк (бывший 112-й стрелковый), разгромила немцев, освободила норвежские города Петсамо и Киркинес. Фашисты были выбиты из Советского Заполярья и Норвегии.

В этом сражении Александр Иванович Ефремов командовал полковой батареей 76-мм пушек образца 1927 года.

После этой операции дивизия была переброшена на 2-й Белорусский фронт. Войну Александр Иванович закончил старшим лейтенантом, командиром полковой батареи. За годы войны он был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья» и другими.

Иван Георгиевич КОЛОТИЛИН

Век Ивана Колотилина

Создатели фильма «Офицеры» были бы весьма удивлены тем, что в Санкт-Петербурге и сегодня можно встретить прототипа одного из главных героев ленты — Алексея Трофимова. Это генерал-майор в отставке Иван Георгиевич КОЛОТИЛИН, отметивший свой вековой юбилей.

«Вообще-то я рядовой артиллерист. Особых героических поступков не совершал. Меня награждали орденами, которые я честно зарабатывал, и очень этим горжусь».

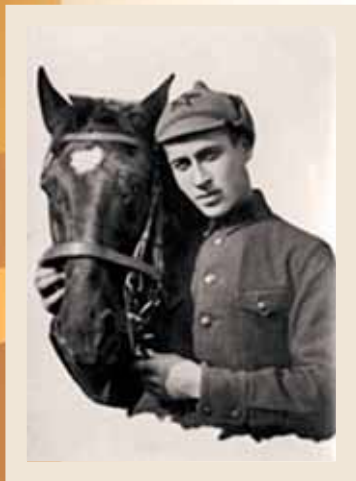
У «рядового артиллериста» действительно много заработанных наград: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два — Отечественной войны I-й степени, два — Красной Звезды, орден Жукова, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией» — всего 16 медалей.

Когда я обратилась к нему с предложением встретиться, Иван Георгиевич дал первоначально согласие, но потом усомнился, действительно ли я журналистка. Учитывая особенности времени, я изложила ветерану свою биографию, рассказала о круге исследований и интересов. В ходе этого «представления» мы с Иваном Георгиевичем нашли об-

щих знакомых, например, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Г.Е. Алпаидзе (тот в 1939 году был курсантом особого горного училища, где преподавал Иван Колотилин). Алпаидзе — легенда ракетных войск стратегического назначения и космических войск. После того как я рассказала, что не раз встречалась с Галактионом Елисеевичем, когда он еще был жив, и не раз писала о нем, мне сразу же была назначена встреча в Санкт-Петербурге.

По признанию Ивана Колотилина, он не согласен с журналистами, когда-то сравнившими его с героем фильма «Офицеры» Алексеем Трофимовым. «Герои фильма были пограничниками, а я артиллерист», — говорит. Хотя для красного словца он мог бы и согласиться с журналистской придумкой, ведь сюжет фильма и биография генерала Колотилина по сути очень похожи. Кстати, в молодости лукавым прищуром глаз он был похож на Алексея Трофимова, которого сыграл Георгий Юматов.

Вот только одно доказательство схожести кинематографического образа и реального Колотилина. Иван Георгиевич в 1929 году, будучи курсантом Краснознаменной объединенной среднеазиатской военной школы имени В.И. Ленина, одержал победу на конно-спортивных соревнованиях в масштабе военного округа. Юноша на своем верном друге Авангарде (на снимке) обскакал матерых кавалеристов, удивив всех этой победой. В награду получил отрез светло-синего касторового сукна, из которого шились брюки для командного состава.

При всей своей мудрости, принципиальности, интеллигентности Колотилин иногда совершал и глупости, как Трофимов в фильме. Например, на спор с дружкой стрелял в наручные часы. И погубил таки свой хронометр.

Да и жена Колотилина — Мария Тихоновна — тоже внешне была очень похожей на героиню фильма Любу (Алина Покровская). Она исколесила с супругом всю страну, была преподавателем иностранного языка. Правда,

в фильме героиня хорошо знала французский, а Мария владела немецким. Прожили Иван да Марья вместе 50 лет... Последние двадцать Иван Георгиевич живет один. Но не в одиночестве: рядом дети, внуки и правнуки.

Чувствуя все же определенное сходство с главным героем, Иван Георгиевич фильм «Офицеры» очень любит, словно на свою жизнь со стороны смотрит. Только вот фильм можно много раз смотреть со слезами на глазах, а жизнь, как киноленту, еще раз не прокрутишь.

Пожалуй, первое знаменательное событие в жизни Ивана — знакомство с городским военкомом, который заодно преподавал военное дело в их средней школе. Тяга к предмету в Иване пробудилась уже на первых уроках. Заметив это, педагог убедил парня поступать в военное училище, и в 1927 году Колотилин направился в Ташкент в Краснознаменную объединенную военную школу, где был зачислен в одну из батарей артиллерийского дивизиона.

В этом подразделении, в отличие от кавалерийского дивизиона и стрелкового батальона, учебная программа предусматривала четырехлетний курс обучения. Кавалеристы и стрелки уходили в войска после двух лет учебы.

1929 год внес коррективы в учебный процесс. Школа являлась боевой единицей, поэтому ее воспитанники довольно рано прошли боевое крещение, будучи вовлеченными в борьбу с басмачеством. Затем пришел беспокойный 1931-й. И учебное заведение в полном составе было направлено в Красноводск, где в районе колодца Дохны приняло участие в разгроме формирования Джунаид Хана, пришедшего из Афганистана.

В том же году Иван Колотилин выпускается из училища и назначается командиром взвода 76-мм горных пушек 3-го Туркестанского артиллерийского полка.

За пять лет службы в этом полку он прошел последовательно должности начальника разведки полка, командира батареи, начальника штаба дивизиона.

В 1936 году — Самарканд и должность начальника штаба отдельного конно-артиллерийского дивизиона кавалерийской дивизии, затем служба в 123-м артиллерийском полку в Ташкенте.

1939 год ознаменовался переходом на преподавательскую работу. Обучая курсантов Тбилисского артиллерийского училища тактике, Колотилин поступает на заочный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе при Закавказском военном округе, где и застала его война.

«Война застала меня, когда я готовился к очередному экзамену по истории военного искусства в Академии имени Фрунзе, — вспоминает Иван Георгиевич. — После выступления народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова у нас у всех оставался один вопрос: что дальше? Будем ли мы продолжать учиться или отправимся сразу на фронт? Я подумал, что экзамен все-таки сдавать надо. Вернулся в аудиторию, но все знания из головы уже выветрились. Вечером поступило распоряжение: все учебные пособия сдать, получить проездные и отправиться по частям. Так я и сделал. 23 июня 1941 года уехал в Тбилиси, в училище. Прибыв туда, получил назначение на должность начальника штаба артиллерийского полка 132-й дивизии в Кировакане. В полку мне пришлось заниматься пополнением конского состава (тогда артиллерия была на конной тяге), мобилизацией приписников и получением боеприпасов. Через неделю мы отправились маршем по Большой Грузинской дороге в Туапсе, оттуда ночью на грузовом судне «Ян Фабрициус» переправились в Керчь. В Крыму нашу дивизию включили в состав 51-й армии, которая уже вела бои».

В 1942 году Колотилин был ранен. После госпиталя его назначили начальником разведки артиллерии 51-й армии. Через месяц армия была эвакуирована в Калмыкию, где после доукомплектования ее передали в состав Юго-Западного фронта. В июле 1942-го 51-ю армию переподчиняют Сталинградскому фронту.

После Сталинградской битвы майора Колотилина назначают командиром артиллерийского полка 19-й тяжелой артиллерийской дивизии. Соединение это было переформировано в 5-ю Сталинградскую артиллерийскую дивизию прорыва. Иван Георгиевич принимает командова-

ние новым полком, гвардейским.

Очередная звезда на погонах застаёт Колотилина на Западном фронте осенью 1943 года. А летом 1944-го в его биографию были вписаны новый фронт, теперь Ленинградский, и участие в наступлении на Карельском перешейке. Осенью 1944 года его ждёт назначение командиром артиллерийской бригады. Далее — переброска на 2-й Украинский фронт и погоны полковника.

В новом звании комбриг убывает в распоряжение командующего артиллерией Красной Армии. Его направляют преподавателем тактики в Артиллерийскую академию имени Дзержинского.

С 1949 по 1951 годы полковник Колотилин обучается в Академии Генерального штаба. Через год после ее окончания он — начальник штаба артиллерии Дальневосточного военного округа. На эту же должность, но уже в Забайкальский военный округ Иван Георгиевич был назначен в 1953 году. Три года спустя он становится начальником кафедры тактики артиллерии Артиллерийской академии в Ленинграде. В 1959 году по личной просьбе И.Г. Колотилина его назначают заместителем командующего артиллерией Одесского военного округа, а в 1961-м — снова перевод в ДВО, командующим ракетными войсками и артиллерией

округа. На Дальнем Востоке имя генерала Колотилина связывают с очередным этапом в развитии ракетных войск и артиллерией округа. По мнению ветеранов, именно с 1961 года начался отсчет новой, послевоенной летописи РВиА в ДВО, когда боевую учебу войск стали насыщать элементами реальных боевых действий. С 1961 по 1963 год Колотилин — заместитель начальника артиллерийской академии в Ленинграде.

Многие события вспоминаются Ивану Георгиевичу в год его 100-летия. Причем горькие почему-то оставили

более глубокий след. Самым большим разочарованием было для него несправедливое отношение к офицерскому корпусу в целом. Это, в частности, военная реформа при Н.С. Хрущеве, которая привела, по его мнению, к разбалансировке видов и родов войск. Серьезные сокращения привели к ослаблению флота, авиации. Акцент на развитие стратегического вооружения нанес трудновосполнимый ущерб вооружению ближнего боя.

Иван Георгиевич испытал несправедливое отношение и лично к себе. В 1964 году Колотилин — заместитель начальника Артиллерийской академии — был председателем Государственной комиссии по приему новых крылатых ракет, созданных в бюро В.Н.

Челомея. Испытания складывались трудно. Не все приборы подтверждали заложенные конструкторами характеристики (он до сих пор помнит, какая у приборов была выставлена высота, гарантировавшая прохождение ракеты над всеми препятствиями на одном уровне). Руководство

ракетных войск, рассказывает Иван Георгиевич, даже после неудачных испытаний обязывало его подписать соответствующие акты. Но неговорчивый генерал-майор отказался это делать, потому что он, пройдя боевую практику на фронте, прекрасно знал, как в реальном бою могут проявиться такие «недоработки» вооружения.

«Мне сразу стало понятно, что меня обязывали подписать государственный акт потому, что ведущим инженером той ракеты был сын Хрущева Сергей. Командующий артиллерией Сухопутных войск генерал-полковник артиллерии В.И. Казаков старался, возможно, избежать гнева руководителя государства», — рассуждает сегодня Иван Георгиевич.

Но Колотилину было известно, что несколько лет до того, после испытаний 57-мм зенитной автоматической пушки С-60, председатель Государственной комиссии по ее приемке на вооружение начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник артиллерии И.И. Волкотрубенко, пойдя на уговоры, подписал акт, свидетельствующий, что «эта пушечка» изъянов не имеет. В последующем, применение ее в войсках вскрыло крупные конструктивные недоработки.

Теперь перед генералом Колотилиным был выбор: пойти на сделку с совестью и разрешить принятие на вооружение недоработанной установки или требовать устранения недостатков. Иван Георгиевич акт не подписал. Это ему не простили.

Тем не менее за годы службы в академии И.Г. Колотилин стал автором около сорока научных трудов, учебных пособий и статей, в том числе монографии «Контрминиметная борьба» по опыту Великой Отечественной

войны (1948). Он — соавтор учебника «Тактика артиллерии» (1958), учебного пособия «Артиллерия в армейской наступательной операции» (1959), учебного пособия «Боевое применение ракетных войск и артиллерии в наступательной операции без средств массового поражения» (1964) и других.

* * *

...Фильм «Офицеры» заканчивается тем, что генерал-майор Трофимов возвращается в родную дивизию. Генерал-майор в отставке И.Г. Колотилин тоже отмечал свой 100-летний юбилей в стенах родной Михайловской военной артиллерийской академии.

Мы не знаем, как сложилась бы во второй серии киноленты дальнейшая судьба Алексея Трофимова. Но вряд ли бы мы увидели, как его внук поздравляет генерала со столетием. А любимый правнук поздравил Ивана Колотилина. Кстати, правнука Колотилина, как и внука Алексея Трофимова в фильме, тоже зовут Иваном.

Анна ПОТЕХИНА, «Красная Звезда».

Валентина Апполоновна КОНЕВА

Родилась 15 ноября 1923 года в Ярославской области в деревне Нагорская. С 1928 года проживает в Ленинграде.

Весной 1941 года окончила 10 классов и поступила в 1-й Медицинский институт. Началась война. Сентябрь, октябрь — вместо учебы рыли окопы. Затем ускоренные 4-месячные курсы медсестер в стенах института, присвоение звания ст. сержант и в феврале — мобилизация в 42-ю армию Ленинградского фронта. Служила в передвижном госпитале «Госпиталь для легкораненых» в должности медсестры.

В 1942 году заболела тифом, лечилась 3 месяца в 841-м инфекционном госпитале, чудом выжила. Продолжила службу в госпитале. Мать и брат умерли в феврале 1942-го в блокаде, отец погиб на Карельском фронте. Младшие 2 брата были эвакуированы в Сибирь, поэтому остались живы.

Госпиталь располагался в палатках, землянках, в лесу. Госпиталь находился вблизи передовой под бомбежками. Особенно тяжелые бои шли на границе с Пруссией — немцы отчаянно сопротивлялись. С госпиталем дошла до границ с Восточной Пруссией, там встретила окончание войны.

Демобилизовалась в октябре 1945 года. Учебу пришлось отложить, т. к. после возвращения из эваку-

ации 2 брата, 9 и 14 лет, находились на воспитании у Валентины Апполоновны. Работала в госпитале, в больнице.

В 1955 году восстановилась в 1-м Медицинском институте и, закончив его, получила специальность врач-терапевт. Работала в ГИПХ, медсанчасть № 22 по специальности врач-терапевт, где проработала до выхода на пенсию.

Имеет 18 правительственных наград — военных и юбилейных.

1941 г.

Валентина Петровна КОРЕЦКАЯ

- *Участница Великой Отечественной войны.*

★ *Награждена:*

- *Орден Отечественной войны*
- *Медаль «За оборону Ленинграда»*
- *Юбилейные медали (более 10)*

Я родилась под Ленинградом, в селе Ивановское Кенгисеппского района, закончила семилетку, поступила в 8-й класс, но потом бросила школу и уехала в Ленинград к тетке. Устроилась на завод 174, имени Ворошилова, который выпускал танки. Работала стержневщицей – делала стержни.

В тот день, когда война началась, навестить меня приехала бабушка. Мы пошли в гости к ее знакомым. Муж хозяйки работал в Смольном. Он вернулся с работы и сказал:

– Началась война. Сейчас будет объявление. Левитан будет говорить.

Мы с бабушкой тут же ушли, она отправилась к себе в деревню. Я – на завод. Там меня зачислили в химкоманду. Как начиналась тревога, мне надо было бежать на сборный пункт, надевать защитный костюм и ждать указаний.

Немцы быстро подходили к Ленинграду. Завод решили эвакуировать. Но я уехать не могла, потому что мама, папа, бабушки — все родные находились здесь, под городом. Меня останавливал страх не увидеть их больше никогда.

К тому времени на заводе осталось семь танков. Нас, оставшихся девушек, записали в танковые войска санитарками. Дали рубеж под Лугой, где мы должны были выступать. До этого мы ездили на полигоны, где нас обучали действиям в боевых условиях.

В один из дней нам сказали:

— Завтра утром рано будем отправляться.

Просыпаюсь (нас оставалось семь девушек) — все на месте, никто никого никуда не отправляет. Девочки мне и говорят:

— Танки забрали, а нас оставили.

Нам нашли другую работу: строить укрепления, помогать разбирать завалы после бомбежек. Однажды на Елизаровской слышим стон — мы скорей копать, разбирать руины. Успели. Вытащили молодую девушку. Мать ее найти вовремя не получилось, только на следующий день отыскали ее тело.

Как укрепления строили, у меня память на всю жизнь осталась — 32 шва на руке. Каждый пальчик прошит. Недалеко от того места, где мы работали, разорвался снаряд. Осколки попали мне в руку. Привезли меня в травмпункт, а там хирург — молодая девушка. Пожилая медсестра подходит к ней и плача просит:

— Доктор, сделай ей что-нибудь, она ведь еще девочка. Сделай так, чтоб рука хоть немного работала.

Врач говорит:

— А что я могу сделать, у нее и так мяса тут не хватает.

В мае 1942 года — тогда я жила на Троицком Поле — вызвали меня в военкомат. Всех собравшихся зачислили в штаб местной противовоздушной обороны (МПВО). Меня тоже сначала хотели, но потом комиссар направление порвал и сказал:

— Вы комсомолка?

— Комсомолка.

— А в армии служить хотите?

— Ну, если надо, пойду.

Так я была призвана в армию и направлена на «Дорогу жизни». Там впервые оказалась в землянке, в которой мы принимали присягу.

Нас было тридцать две девушки. Меня отправили на пирс принимать пароходы. Один раз простоять пришлось 32 часа. Утром смотришь — летят самолеты бомбить нас. А мы из Питера приехали, храбрые, стоим смотрим, а комиссар кричит:

— Вы что, рты открыли, стойте! Вас же осколком убить может!

Там я прослужила полгода. Потом нас перевели в штаб. Ехать туда я не хотела, спряталась в пульмановский вагон, меня искали, бегали по пирсу. Нашли.

Отправили нас как-то во Всеволожскую область уничтожить архив. Тогда я была уже сержантом. Я через двор носила в топку сжигать документы. Набегалась, вспотела. Вечером приезжаю домой, меня знобит. На второй день лучше не стало. Приезжаю в штаб, там видят, что плохо мне, врачей вызвали. Доктор из танковой части поставил диагноз «крупозное воспаление легких». Другой врач, Осинский, сказал, что никакого крупозного воспаления легких нет, это левосторонний сухой плеврит, и велел меня немедленно отправить в госпиталь. Привезли меня в госпиталь — он в землянке. Принимала больных женщина капитан. Она показывает на меня и говорит подполковнику:

— Вот, видите, симулянтов каких привозят.

А я дышать не могу, плачу, говорю ей:

— Доктор, я же дышать не могу!

В. Корецкая (справа) с боевыми друзьями

Подполковник подошел ко мне, послушал, подозвал ее и показал, где слушать надо. Только тогда положили меня в госпиталь...

Трудно было выжить в блокадном Ленинграде. Сейчас понимаешь, что с нами произошло, наверное, невозможное. Голод ведь какой был! На что только люди не шли, чтобы выжить. Помню, взяла я как-то на всю семью (мои родители уже перебрались в Ленинград) буханку. Выхожу с ней в руках, на выходе из магазина какой-то мужчина выхватил ее и бежать за дом, в подвал. Я хотела за ним броситься, меня дворники остановили:

— Он же тебя там убьет!

А там как раз в квартире делали котлеты... из трупов. Женщина одна этим делом занималась, торговала. Но потом милиция за ней все-таки пришла.

А какой безлюдный был военный Ленинград! Мне приходилось ходить за папиными деньгами на Дворцовую площадь. Через весь город по улицам я шла одна.

Дворцовая площадь людьми заполнилась лишь в мае, в незабываемый День Победы. 9 мая я тоже там была. Какой был салют! Какие были торжества!

Подготовила С. Титова

Георгий Константинович КРАВЦОВ

Участник парада Победы

Полному кавалеру ордена Славы полковнику в отставке Георгию Константиновичу Кравцову 18 февраля 2010 года исполнилось 85 лет. Это тот возраст, когда есть повод оглянуться на пройденный путь, критически оценить его, вспомнить былое — благо есть, что вспомнить.

Уроженец Курской области он видел, что сделали фашисты с его малой родиной, и горел желанием мстить им беспощадно. В марте 1943 г., когда освободили от фашистов его родной Кореневский район, Георгий Константинович пришел в штаб ближайшей части с просьбой зачислить в армию, в то время ему только исполнилось 18 лет. Через три дня уже был в строю. Направили его к минометчикам. «Университеты» оканчивал прямо на передовой. А поскольку имел за плечами 8 классов, то командир батареи 82-мм минометов старший лейтенант Цимбал назначил Георгия сразу наводчиком.

Боевое крещение принял в родных местах — в битве на Курской дуге. С 5 июля по 5 августа его 237-я стрелковая дивизия участвовала в оборонительных боях.

Хорошо помнит Георгий Константинович психическую атаку немцев под Краснополем. Разведчики заранее предупредили: человек пятьсот, пьяные, с закатанными по локоть рукавами. Пехотинцы залегли цепью, пулеметная рота выбрала удобные позиции. А минометчики — метрах в пятидесяти за ними. Никто из гитлеровцев тогда не ушел — так и остались лежать на пшеничном поле.

Уже в сентябре Кравцов стал сержантом, командиром расчета. На войне мужаешь быстро: коль остался цел в первых боях, то, значит, опыта на будущее набрался, больше шансов выжить имеешь.

Вообще, 838-й стрелковый полк, с которым Георгию Константиновичу довелось пройти до конца войны, то и дело бросали в прорыв. Сначала на Воронежском, потом на 1-м и 4-м Украинских фронтах. Бывали лишь небольшие паузы между боями, а так все время на передовой.

«Никогда не забуду безымянную высотку у села Юшки, — вспоминает Георгий Константинович. — Мины закончились, мы превратились в пехотинцев. Эту самую высотку пришлось оборонять мне и рядовому Мингалеву. На двоих четыре автомата и немецкая винтовка. Немцы со всех сторон. Расположили оружие по кругу и при каждой попытке штурма поочередно вели из него огонь, чтобы немцы не догадались о малочисленности “гарнизона”. И так отбивали по 6–7 атак в сутки. Но если немцы воюют “по плану” — вовремя поедят, отдохнут, — то нам нельзя было смыкать глаз: все время в ожидании штурма. Семь дней отбивались. Казалось, что конца не будет этому бессменному дежурству. Теперь порой даже не верится — откуда только силы брались?»

Вообще, на фронте всякое случалось, довелось даже вести минометный огонь по самолетам. Нет, не в воздухе — когда они на земле были. При освобождении города Станислава в июле 1944 г. наш взвод шел за пехотой. Но командир заблудился в лесу, и с пехотинцами мы разминулись — они остались где-то позади. Зато неожиданно для себя мы вышли к немецкому аэродрому. Как быть? Судя по всему, гитлеровцы не ожидали подхода наступающих русских. Не упускать же такой случай! Словом, ударили из двух минометов по аэродрому. Первыми минами подбили два самолета. Никто из немцев так и не смог тогда подняться в

небо — одна из подбитых машин перегородила взлетно-посадочную полосу. Так фашисты лишились сразу 13 самолетов — целой эскадрильи!»

Много ратных подвигов совершил Георгий Константинович будучи наводчиком полкового миномета, а потом командиром расчета. Храбрость и солдатская смекалка помогали добиваться боевых успехов. Об этом свидетельствуют ордена Славы I, II и III степеней.

Удивительно, но полным кавалером ордена Славы полковник в отставке Георгий Кравцов стал спустя 22 года после окончания Великой Отечественной войны. В 1967 г. Лужский райвоенкомат прислал ему стандартную повестку: явиться тогда-то, иметь при себе паспорт и военный билет, в случае неявки предусматривается такая-то ответственность. Чудно, ведь он строевой офицер как-никак, уже на службе и давно.

Доложил начальнику полковнику Дмитрию Макогону, так и так, мол, вызывают в военкомат. А он: «Это ошибка. Позвони». Высказал Кравцов по телефону недоумение: ведь не призывник он или запасник, чтобы военкомат его от службы отрывал. А перед ним в извинениях рассыпаются — не ту форму делопроизводитель заполнил. Но повод навестись в военкомат, оказывается, имелся: «Вас, товарищ Кравцов, награды еще с войны дожидаются: орден Славы и медаль “За отвагу”». — «Наверняка и тут ошибка произошла: ордена Славы и две медали “За отвагу” у меня уже есть. Никакой ошибки: указ о награждении орденом Славы I степени был подписан 29 июня 1945 г. Да и медаль «За отвагу» ищет вас с октября 1944 г.»

Так, спустя почти четверть века война вновь напомнила Георгию Кравцову о себе. Но и неполного кавалера ордена Славы Кравцова считали героем, в числе лучших его направили из Чехословакии на парад Победы в Москву.

И в войну Георгий Константинович воевал достойно, и в мирные дни служил на совесть, как фронтовикам и полагается. С 1976 года и по настоящее время Кравцов Георгий Константинович заведует музеем Военной артиллерийской академии, которая расположена на территории нашего муниципального образования.

Анатолий Станиславович КРУКОВСКИЙ

Профессиональный путь Анатолия Станиславовича Круковско-го начался с поступлением в 1937 году в 7-ю специальную артиллерийскую школу Ленинграда, после окончания которой в 1940 году он был зачислен курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища.

Через месяц после начала войны в звании лейтенанта он был направлен на Юго-Западный фронт в 12-ю танковую дивизию на должность начальника разведки артиллерийского дивизиона. Шли кровопролитные бои на Украине. Дивизия с боями выходила к своим войскам из окружения и не раз оказывалась в тылу наступающих фашистских войск.

11 сентября 1941 года в районе Днепропетровска Анатолий Станиславович с группой разведчиков после выполнения задачи в тылу противника возвращался в свое расположение.

Анатолий Станиславович рассказывает:

«Когда до передних окопов противника оставалось метров 300, наша группа столкнулась с немецкими автоматчиками. Чтобы не поднимать шума, действовали ножами. Но один из немцев успел все-таки схватить автомат и на секунду опередил меня.

Очередь прошла по моим ногам, но и я уложил фашиста.

Идти я уже не мог. И тогда мои разведчики понесли

меня на себе. Нам удалось пройти через передний край немцев, потом через нейтральную полосу и пересечь свой передний край. Идти пришлось под огнем, но боевые товарищи не бросили меня».

Через три месяца после выздоровления Круковский Анатолий Станиславович снова воевал на Юго-Западном фронте уже в составе 102-й отдельной стрелковой бригады в должности заместителя командира батареи. Участвовал в обороне города Ростова.

После оставления нашими войсками Ростова в марте 1942 года в составе небольшой уцелевшей части 102-й отдельной стрелковой бригады оказался в 192-й стрелковой дивизии 62-й армии генерала Чуйкова в городе Сталинграде, где воевал в должности командира батареи и командира штабной батареи начальника артиллерии дивизии.

Сталинградская битва для старшего лейтенанта Круковского А. С. началась 17 июля 1942 года и длилась ровно 200 дней и ночей. «Наша дивизия, — рассказывает Анатолий Станиславович, — заняла оборону в 150 км от Сталинграда в излучине Дона. Задача дивизии — задержать продвижение немецких войск к Сталинграду и тем самым обеспечить организацию обороны на ближних подступах к городу. Огневая позиция батареи находилась в районе Верхней Бузиновки. Это был мой самый удачный день за всю войну. Немецкие танки шли к Сталинграду на большой скорости, без соблюдения каких-либо мер предосторожности, и наткнулись на нашу батарею. В тот день батарея сожгла 12 танков противника и не потеряла ни одного красноармейца и ни одного орудия».

192-я стрелковая дивизия 62-й армии оказалась в окружении и была раздроблена на отдельные группы. Ценой собственной гибели она задержала продвижение немцев к Сталинграду на 28 дней. В этих боях и Анатолий Станиславович Круковский оказался в глубоком немецком тылу. 15 августа 1942 года он был ранен двумя осколками в грудь. В течение семи дней он, раненый, с группой бойцов, пробиваясь к своим, прошел более 100 км. Днем скрывались в оврагах и посевах, а ночами шли, ориентируясь по свету фар идущих к Сталинграду немецких мотоциклов и машин. Когда же они добрались до своих, бои уже шли на окраинах Сталинграда. Один осколок извлекли в

медсанбате, а второй так и остался в груди. После лечения Анатолий Станиславович стал проситься на передовую. Пехотные и артиллерийские части в это время несли большие потери, требовалось пополнение. Все раненые, находившиеся в медсанбате и способные держать в руках оружие, рвались на передовую.

Старшего лейтенанта Круковского А. С. назначили командовать батареей 122-мм гаубиц в 343-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта.

Его батарея постоянно находилась в боевых порядках батальонов первого эшелона. Участвовала в контрнаступлении наших войск под Сталинградом 19 ноября 1942 года. В этот же день Анатолий Станиславович Круковский был назначен заместителем командира дивизиона, а через месяц — командиром артиллерийского дивизиона. В этой должности он провоевал до конца Сталинградской битвы, то есть до 2 февраля 1943 года.

Затем, уже будучи гвардии капитаном, командовал этим же дивизионом в дивизии, ставшей 97-й гвардейской стрелковой дивизией. В составе этой дивизии он в последующем участвовал в Курской битве.

В танковом сражении под деревней Прохоровка задача дивизиона гвардии капитана Круковского А. С. заключалась в поддержке огнем своих танков в борьбе с мощными «тиграми». За время боев на Курской дуге дивизион уничтожил семнадцать «тигров», за что командир дивизиона гвардии капитан Круковский А. С. получил орден Боевого Красного Знамени.

За несколько дней до окончания Курской битвы в дивизию прислали Директиву Верховного Главнокомандующего, в соответствии с которой надлежало отправить в тыл на учебу в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского одного артиллериста, который имел бы 10 классов, окончил артиллерийское училище, имел боевой двухгодичный опыт и занимал бы должность не ниже командира дивизиона. В 97-й гвардейской дивизии этим кандидатом оказался гвардии капитан Круковский А.С. Это был август 1943 года. С этого момента фронтовая жизнь для гвардии капитана Анатолия Станиславовича Круковского закончилась.

Петр Михайлович КУДРЯВЦЕВ

- Участник Великой Отечественной войны с февраля 1944 по май 1945 годов.
- Служил в 286-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии, 201-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта, был командиром орудия в звании старшего сержанта.
- Прошел по болотам и лесам Ленинградской и Калининской областей, по Лубемской низменности, Видземской возвышенности, Курляндским болотам, лесам Латвии и Литвы. Славный боевой путь в 3470 км, из которых 694 км в ожесточенных боях, освобождая нашу Родину.
- Имеет благодарности от Сталина:
 - за отличные боевые действия при прорыве сильно укрепленной оборонительной линии немцев «Пантера» и освобождение города и железнодорожного узла Идрица,
 - за освобождение мощного опорного пункта и крупного узла железных и шоссейных дорог города Резекне (Режица),
 - за освобождение столицы Советской Латвии города Рига.
- ★ **Награжден:**
 - Три медали «За отвагу!»
 - Орден Отечественной войны

- *Значок «Отличный артиллерист»*
- *Юбилейные медали (всего 15)*

Родился в Ленинградской области, в деревне Дретно бывшего Осьминского, ныне Лужского района.

В 1941 году немцы нас оккупировали. Всех молодых согнали в немецкий лагерь, который находился в деревне Долговка. Жили мы в сарае, обнесенном колючей проволокой. Кормили так, чтоб с голоду не подошли. Рыли блиндажи. Бежать из лагеря было сложно — через каждые 50 метров вдоль железной дороги стоял часовой.

Но все же три раза я попытался это сделать. Не помню уже как, но мы достали напильник, перерезали проволоку и ночью сбежали. На свободе были недолго. Немцы нас поймали, привели назад в лагерь и поставили перед строем солдат. Им отдали приказ избить нас толстыми палками. После наказания пригрозили убить, если попытаемся сбежать еще раз. Но потом я все-таки убежал, жил с партизанами в лесу. Они дали мне гранату, сломанный карабин, я достал к нему затвор.

В 1942 году немцы снова захватили всех молодых из нашей деревни, хотели угнать в Германию. Мне тогда еще не было 16 лет. Привезли в Кингисепп два полица с нашей деревни. Привели нас в комендатуру к немцам, на осмотр перед отправкой в Германию. Со мной в эту переделку попал мой двоюродный брат Анатолий и беженец Володя из блокадного Ленинграда. Он жил у нас в доме. Нас раздели перед немецкой комиссией догола, чтоб проверить, здоровы мы или нет. Оказалось, что у Володи чесотка, поэтому ему после осмотра дали справку, что не годен. Брат мой смекнул, что надо тоже чесотку «изобразить» и намазал руки грязью. Ему дали справку о непригодности и пропуск, чтоб выйти из Кингисеппа. Пропуск он оставил себе, а справку отдал мне. Я тут же намазал руки грязью и пошел со справкой в комендатуру. Они посмотрели на меня со справкой и тоже пропуск дали. Так я смог уйти «на хауз».

Иду — ноги еле ворочаются, голодный. Вспомнил, что видел по пути в Кингисепп как на дороге валялись трупы женщин. Единственный сухарь размочил в лужице,

оттуда же попил, а впереди дорога километров пятьдесят. Зашел в соседнюю деревню, попросил, чтоб дали хоть очистки от картофеля. А получил целую сырую картошку! Тут же съел и отправился дальше. Зашел в болото, наелся клюквы, ножичком наковырял коры, чтоб попить березового сока — дело было в апреле.

Пришел в свою деревню, домой. А у нас старостой был наш односельчанин, бывший председатель колхоза, между прочим, воевал на финской войне. (Потом ему дали 20 лет.) Показал этому старосте я справку. Так, через несколько дней вдруг приходят два полица к нам. Я под кровать спрятался. Часа два, наверное, они сидели в карты играли. Но потом ушли. А я в лес к партизанам подался. Ночью приходил домой иногда поесть чего-нибудь.

С немцами потом я еще не раз встречался. Иду я как-то в лес за малиной. Вижу, едет офицер с двумя солдатами на мотоцикле, подзвали меня и приказывают: «Говори, где коровы, а то будет пук-пук!» Я стою и говорю: «Ну, стреляйте. Коров все равно нет». Хотя у нас была корова, стояла она в лесу километрах в трех. Но сказать о ней я не мог — без коровы мы никуда. «А партизаны есть?» — спрашивают. «Нихт, партизан» — отвечаю я по-немецки. «Покажи, где староста» — они меня привязали веревкой и поволокли. Все колени ободрали. И так со многими поступали...

Еще один интересный случай был. Мы с отцом пошли в лес за морошкой. Смотрим, лежат листовки на земле. Написано на немецком. Я их собрал — решил, для туалета пригодятся. Оказалось, в листовках обращение к немцам сдаваться. Каким-то образом дошло до немцев, что эти лис-

М.П. Кудрявцев на Дворцовой площади

товки у меня. Они нашли меня и потребовали, чтоб я показал им на карте, где партизаны. Я переводчику рассказал, что о партизанах ничего не знаю, а листовки нашел случайно. Рассказал, где это было. Немцы поехали туда, собрали все, что осталось. Продержали меня ночь у себя. На утро офицер с ружьем вывел меня на улицу недалеко от озера, на котором утки плавали. «Ну, все, — думаю, — расстреляет». А он саданул по птицам, а мне говорит: «На хауз!» Я обрадовался и бегом домой к матери! Потом я понял, что стрелял он специально для генералов, меня убивать не хотел.

Октябрь 1944 года

Первую оборону прорвали при взятии Вёру (Эстония), только форсировали реку, меня ранило в ногу, в коленный сустав. Перекрестился, взял автомат с карабином и отправился в полевой госпиталь. С собой было пять патронов — мало ли, враг по дороге встретится. Добрался до госпиталя, там рану забинтовали, наложили шину, укол сделали, через несколько дней отправили в Псков. Пролежал я там месяц. Нога не сгибалась, думал, что комиссуют. Предложили поступить в офицерскую школу, стать командиром. Я хотел пойти туда учиться — меня товарищи отговорили. Посоветовали идти на ускоренные курсы в школу младших командиров на полгода. В городе Вольмера это было. Там находился артиллерийский полк, пушки стояли 76-миллиметровые. Там же мне дали медали за два тяжелых ранения, три контузии. Третью медаль — «За отвагу» — мне дали за то, что я уничтожил две огневые точки. Было это так: разорвался снаряд. Хорошо, осколки не задели тело, только гимнастерку порвали. Потом я понял, что и руки лишиться мог — просто оторвало бы. Контузило немного, из ушей кровь пошла. Наш взвод оказался в тяжелом положении: немцы нас забрасывали гранатами. Мы не могли понять, откуда. Я стал наблюдать. Вижу, немецкий солдат голову высунул, я — нажимаю на крючок автомата, а он не стреляет — песок попал в затвор. Смотрю, немец в меня целится, стреляет, и опять мне везет — пуля пробила только пилотку, прошла мимо виска, а мог бы и без глаза остаться. Лейтенант наш растерялся в том бою.

Стоит белый весь, руки трясутся. Я говорю: «Беру командование на себя». Приказал всем оказывать друг другу помощь, взял в автомат, гранату, лимонку и говорю Кузнецову: «Прикрой меня. Сейчас я этих гадов уничтожу». Я пополз навстречу немцам. Подполз и саданул лимонкой — уничтожил огневую точку. Лейтенанту в этом случае грозил трибунал, потому что не смог сориентироваться, дать правильную команду. Но обошлось без трибунала. А немцев надо было всего лишь гранатами закидать. Полвзвода тогда потеряли...

Считаю, что и генерал-майор Федюнинский (1944 год) тоже не умел хорошо командовать.

При взятии Пскова дошли до дола около Чудского озера. У небольшой деревни нам надо было наступать утром рано. Я тогда приболел — фурункул выскочил. На построении у нас спросили, кто на что жалуется. Я вышел. Меня и перевели в другой полк, к Федюнинскому. Пришел туда, а там старые солдаты мне говорят: «Кудрявцев, ты еще молодой! Зачем тебе быть “Максимом”? В первом же бою тебя убьют. Иди, бери автомат Дегтярева». Мне дали еще гранаты, помощника. И мы отправились с ним к озеру, прошли пол-озера, пить охота, нагнусь, попью водички.

Пришли в траншею, а там по пояс вода — днем оттепель, а ночью мороз. Гранат лежит огромная куча, у меня пулемет Дегтярева. Рассветать стало, пошли в бой, в наступление. Я строчу из пулемета, и вдруг меня ранило в левую ногу. Я спрятался в канавке, пошевелиться невозможно — снайпер тут же стреляет. Пролежал я так до утра. Ночью слышал, как раненые кричали: «Мама, помогите!» Я ногу перевязал. За нами пришли только утром, когда деревню взяли. Наши хотели сохранить деревню, но это дорогого стоило — немцы там засели и палили по нам. 17 марта это было.

Положили меня на телегу, отвезли в госпиталь. Руки в грязи, шинель колом. Не ел двое суток. Только в госпитале чай попил с бутербродом. Здесь же и руки мои в порядок привели, когда молодая девушка, медсестра, увидела, что кожа с пальцев стала уже слазить. Приехала машина, чтоб перевезти раненых в полевой госпиталь, у меня поднялась температура до 40. Испугались, что может гангрена начаться — меня на фанерном Яке отправили в Ленинград, на улицу Ле-

нина, в здание бывшей школы. Наложили шину до самого бедра, перебинтовали. Месяц пролечился.

Но это не самое страшное ранение. Гораздо ужасней было, когда мужчинам отрывало половые органы. Какое это было горе! Так случилось с одним молодым лейтенантом. Он после такого ранения хотел жизнью покончить, застрелиться. Я его все отговаривал...

В другом бою 25-летнему парню пуля попала в рот, кусок губы вырвало. Я ему говорю: «Чеши давай в тыл, а то кровью изойдешь!» А капитану: «Ты что людей кладешь! Надо зайти с фланга — у нас нет ни ПТР, ни пушки, только автоматы. Что мы с ними сделаем? Надо зайти с фланга и закидать гранатами». Он послушался меня, но сказал: «Я тебя убью». Я ответил: «Попробуй. Солдаты не дадут тебе этого сделать, потому что ты не умеешь командовать».

Подготовила С. Титова

На встрече с ветеранами (П.М. Кудрявцев сидит в центре)

Иван Илларионович КУЗЬМЕНКО

Кузьменко Иван Илларионович родился 9 марта 1921 года в городе Павлодар Днепропетровской области. После окончания средней школы три года учился в 3-м Ленинградском артиллерийском училище, которое окончил в начале июня 1941 года и был направлен в 108-й гаубичный артиллерийский полк Ленинградского военного округа на должность командира взвода.

С начала и до конца Великой Отечественной войны Иван Илларионович участвовал в боях под Кингисеппом, Москвой, Оршей, Орлом, Минском, Гродно, Шауляем, Кенигсбергом, при взятии крупнейшей военно-морской базы Пиллау. Он воевал в составе войск Ленинградского, Западного, Калининского, Центрального и 3-го Белорусского фронтов.

Во время войны занимал самые различные должности: начальника разведки артиллерийского дивизиона; командира артиллерийской батареи; начальника штаба артиллерийского дивизиона; командира артиллерийского дивизиона; начальника разведки дивизии.

Заслуживает внимания один боевой эпизод из фронтовой жизни Ивана Илларионовича, в ходе которого за умелые действия по организации и осуществлению

*Майор Кузьменко Иван Илларионович
(в первом ряду в центре) с механиками-водителями. 3-й Белорусский фронт, 1944 г.*

огневого поражения противника, способствующие успешному выполнению боевой задачи, майор Кузьменко И. И. был награжден орденом Александра Невского.

А дело было так. Артиллерийский дивизион 152-мм гаубиц МЛ-20 14-й гвардейской Оршанской пушечной артиллерийской бригады, которым командовал Кузьменко И.И., поддерживал в бою за населен-

ный пункт Ноикурон в Восточной Пруссии стрелковый полк, понесший в ходе наступления большие потери в живой силе и технике. Однако полку была поставлена задача возобновить наступление на противника, овладеть господствующей высотой и, тем самым, обеспечить ввод в бой наших резервов.

Для уменьшения потерь стрелкового полка при овладении господствующей высотой майор Кузьменко И. И. переместил свой дивизион на новые огневые позиции таким образом, чтобы была возможность вести огонь вдоль траншей противника.

При таком расположении огневых позиций рассеивание снарядов по дальности обеспечило наибольшее поражение противника, а незначительное рассеивание снарядов по направлению позволило подразделениям стрелкового полка, прижимаясь к разрывам своих снарядов, провести успешную атаку позиций противника.

После войны в 1948 году Кузьменко И. И. окончил Высшие академические курсы, а в 1953 году — Военную артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского. После окончания учебы был сначала назначен преподавателем, а в 1959 году заместителем начальника кафедры разведки в академии. На последней должности он прослужил 27 лет — до ухода в отставку в 1986 году.

В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию. Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

После ухода в отставку Иван Илларионович продолжил работу на кафедре артиллерийской разведки. За время работы в стенах академии Иван Илларионович подготовил и издал: военно-научных работ — более 120; учебников — 7; учебных пособий — 8; большое количество курсов лекций по иностранным армиям. Под его руководством успешно защитили диссертации и стали учеными 7 адъюнктов и соискателей ученых степеней, прошли обучение по учебным дисциплинам кафедры не одно поколение офицеров советской и российской армий.

За время своего жизненного пути Иван Илларионович был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I-й степени, орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, а также двадцатью различными медалями.

Кузьменко Иван Илларионович умер 16 сентября 2003 года. Похоронен в Александро-Невской лавре.

Сохраняя и продолжая славные традиции фронтовиков, нынешнее поколение ценит и помнит заслуги ветеранов — участников Великой Отечественной войны и свидетелей Великой Победы.

Иван Федорович ЛАДЫГА

Иван Федорович Ладыга, полковник в отставке, кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук, заслуженный работник высшей школы всю свою жизнь посвятил делу беззаветного служения нашей Родине и Вооруженным Силам.

Являясь активным участником Великой Отечественной войны с первых и до последних дней, принимал участие в боях на Юго-Западном, Центральном, 1, 2, 3 и 4-м Украинских фронтах. Дважды был ранен, один раз тяжело.

В свой первый бой с фашистами лейтенант И. Ф. Ладыга вступил 24 июня 1941 года в районе местечка Торчин (западнее города Луцка на Украине) в должности командира взвода 45-мм противотанковых пушек. За два дня (24 и 25 июня) противотанковый взвод в составе 173-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 27-го стрелкового корпуса отразил 6 атак танков противника. При этом, будучи наводчиком первого орудия, лейтенант И. Ф. Ладыга поджег три танка, а второе его орудие подбило два танка. В дальнейшем, в течение июля 1941 года он принимал участие в тяжелых оборонительных боях 5-й армии при отходе стрелковых войск в направлении

городов Ровно, Коростень, Киев. В боях на подступах к городу Киеву получил осколочное ранение и был эвакуирован в полевой госпиталь в городе Полтава.

После выписки из госпиталя Иван Федорович назначается командиром огневого взвода 45-мм противотанковых пушек 1049-го стрелкового полка 300-й стрелковой дивизии. В течение сентября и октября месяцев 1941 года совместно с пехотой его артиллеристы отражали атаки превосходящего противника в боях за город Харьков. Западнее Харькова, в районе хутора Цепочки, он был тяжело ранен. После ранения направлен на лечение в госпиталь в город Сталинград.

В апреле 1943 года уже в должности старшего помощника начальника разведывательного отдела 18-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии Центрального фронта участвовал в Курской битве. Вначале в оборонительных боях в районе железнодорожной станции Поньри, а затем — в контрнаступлении. В дальнейшем, наши войска преследовали отходящие войска противника через города Севск, Конотоп, Прилуки.

После Курской битвы, в октябре—ноябре 1943 года, принимал участие в форсировании реки Днепр и освобождении столицы Украины города Киева. В ходе тяжелых боев на правом берегу Днепра, западнее Чернобыля в районе «Толстый Лес» попал в окружение в составе частей 8-й стрелковой дивизии. Дивизия мужественно целый месяц сражалась в тылу с превосходящим противником, но когда кончились боеприпасы, продукты и наступили холода, командование 15-й армии приняло решение вывести ее из окружения. Активное участие в обеспечении вывода дивизии из окружения принимала группа разведчиков во главе с капитаном И. Ф. Ладыгой. Во второй половине ноября эта группа разведчиков перешла линию фронта и совместно с полесскими партизанами генерала А. Н. Сабурова с тыла и войсками 18-го гвардейского стрелкового корпуса с фронта участвовала в штурме и овладении городом Ельск. В феврале 1944 года эти же разведчики в районе города Шепетовки в тылу противника захватили в плен 6 немцев, которые дали командованию ценные сведения.

2008 г.

Из Шепетовки боевой путь Ивана Федоровича продолжался в составе того же корпуса через города Изяслав, Тернополь, Станислав (ныне Ивано-Франковск), Старый Самбор, Ужгород, Бухарест. Далее Ладыга участвовал в тяжелых боях при штурме столицы Венгрии Будапешта, отражении крупных танковых атак в районе Секешфехервар (озеро Балатон) и при овладении столицей Австрии городом Вена. Закончился его боевой путь в Альпах после взятия города Шейбс. Здесь он встретил долгожданную Победу.

Родина достойно оценила ратный труд Ивана Федоровича, наградив орденами Красного Знамени, Отечественной войны I-й и II-й степени, тремя орденами Красной Звезды и многими медалями.

За мужество, проявленное в бою, Ивану Федоровичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Шепетовки».

После увольнения из рядов Вооруженных Сил, с 1976 и до 2010 г., И.Ф. Ладыга являлся бессменным руководителем секретариата диссертационных советов академии. Педагогический дар, добросовестное отношение к делу, инициатива и творческий подход к решению самых сложных задач в сочетании с открытостью и общительностью снискали горячую благодарность и глубокое уважение к Ивану Федоровичу у сослуживцев и товарищей. При его непосредственном и активном участии диссертационные советы по защите докторских и кандидатских диссертаций обеспечивали стабильную подготовку научно-педагогических кадров для академии, других организаций и учреждений Министерства обороны РФ и зарубежных стран.

К великому сожалению, Иван Федорович немножко не дожил до 90-летия со дня рождения и 65-й годовщины Великой Победы.

Николай Васильевич МАРКОВ

Родился 12.10.1923 г. в деревне Палухново Пушкиногорского района Псковской области.

Учился в школе в Ленинграде. В 1941 г. закончил Ленинградский аэроклуб. В 1942 г. — закончил Тамбовскую лётную школу. В августе 1943 г. закончил высшую школу штурманов и летчиков авиации дальнего действия, которая находилась в поселке Ханабат город Карши в Узбекистане.

В 1943 г., по окончании высшей школы в звании младшего лейтенанта направлен в действующий 8-гвардейский бомбардировочный авиационный Краснознаменный полк дальнего действия, который в то время базировался в г. Серпухов. Был командиром экипажа дальнего бомбардировщика ИЛ-4 (двухмоторный самолет дальнего действия). Воевал в составе Орловской дивизии. Воевал в составе авиации дальнего действия, выполняя боевые задания на всех фронтах и в глубоком тылу противника.

Принимал участие в бомбардировке Будапешта, Берлина, Кенигсберга, Хельсинки.

Марков Н.В. со своими товарищами по экипажу совершил 72 боевых вылета, из них: 71 вылет — ночью, 1 вылет днем (на Кенигсберг). Боевые друзья —

Матери от сына. Со своим боевым экипажем 24.09.1943 г.

экипаж ИЛ-2: Тарасов Иван Вениаминович — штурман, Ефимов Николай — радист, Сафин Заятын Фатеевич — стрелок.

За эффективное поражение цели и проявленные при этом мужество и боевое мастерство (30 боевых вылетов) младший лейтенант Марков Николай Васильевич в 1944 году награжден орденом Красного Знамени,

Перед боевым вылетом на Хельсинки. Аэродром Андрианполь, Тверская обл. 1944 г.

Командиру звена 204 гвардейского дважды орденоносного Ржевско-Будапештского ДБАП.

«Дорогой друг. Вспомни наши боевые дела и тех, кто не дожил до наших дней, — наших боевых товарищей». Командир 204 гвардейского ДБАП гвардии полковник. Ноябрь, 1944 г., с. Ляховцы.

за 20 боевых вылетов награжден орденом Отечественной войны I-й степени. Также награжден медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

Войну закончил в Польше, г. Люблен, в составе Днепропетровско-Будапештского ордена Суворова II степени авиационного соединения, личный состав которого внес весомый вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Особенно отличились части соединения в боях за освобождение поработенных народов Европы, при штурме Берлина.

Женился 3 апреля 1945 года.

Демобилизовался в 1948 году, вернулся в Ленинград. Работал на заводе «Электропульт» слесарем-монтажником, начальником планово-распределительного цеха, с

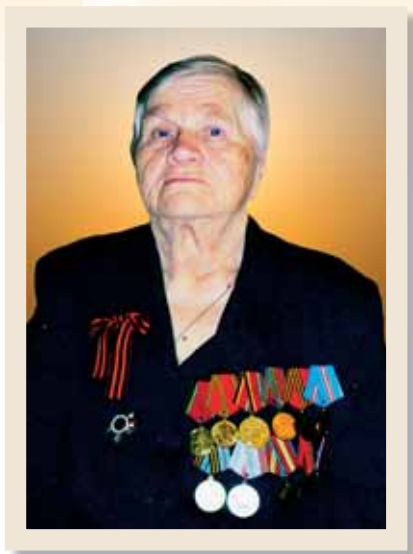
Марков Николай Васильевич. Май 1987г.

1977 года — в должности начальника производства завода.

Имеет 2 дочерей: Любовь Николаевна — 1947 г.р., Елена Николаевна — 1952 г. р. Имеет 2 внучки и 1 внука, 4 правнука. В настоящее время вдовец.

«В 1944 году бомбили немецкие аэродромы в Минске. Вылеты совершали с аэродрома в г. Прилуки на Украине. В бою был сбит. Экипажу дал команду “прыгать”, сам пытался управлять самолетом, но на некоторое время ослеп и выпрыгнул сам. Выпрыгнул и попал в плен к немцам. В июле 1944 года, когда немцы начали отступать, совершил побег из плена. Всего в плену пробыл 20 дней.

После побега добрался до Орши, где располагались советские войска. После проверки НКВД, направили в тот же 8-гвардейский бомбардировочный авиационный Краснознаменный полк дальнего действия. И после возвращения в полк совершил еще 20 боевых вылетов».

Вера Сергеевна МОГИЛА

Сержант медицинской службы

Могила Вера Сергеевна родилась 1 июля 1923 года в деревне Кузнецово Галичевского района Костромской области. В 1936 году семья переезжает в Ленинград. С началом войны семья эвакуируется из Ленинграда в Челябинск.

Едва Вере исполнилось 18 лет, в августе 1941 года она идет на шестимесячные курсы медицинских сестер, после окончания которых в феврале 1942 года получает назначение в эвакогоспиталь № 3049. Госпиталь располагался в городе Скопин Рязанской области. Стала медицинской сестрой в перевязочной операционного блока. Раненых доставляли и самолетами, и на санитарных поездах, на машинах и повозках. Осенью 1942 года госпиталь перемещается в лес под город Калуга. В лесу оборудовали большие, на 50 человек, землянки, которые сверху накрыли дёрном. Раненых было очень много, поэтому места для персонала госпиталя практически не хватало. Спали здесь же, в перевязочной, отгородив угол простынями. Да и спать времени не было. Когда начиналось наше наступление, и был большой поток раненых, не спали по двое-трое суток, пока не валились с ног.

Вера Сергеевна вспоминает: «Хирург осматривает раненого, а я рядом носом клюю. Раненый боец просит хирурга: “Доктор, отпустите сестричку поспать, а то она уже сама уснула”».

В годы войны госпиталь не раз менял свое место расположения. В 1944 году в ходе наступательной операции “Багратион” госпиталь по железной дороге перемещался под Могилев. В Кричеве на железнодорожной станции скопилось около 12 воинских эшелонов с военной техникой, боеприпасами и санитарных поездов с ранеными. Фашисты не упустили

такой возможности и вечером, когда уже стемнело, нанесли бомбовый удар. Вначале повесили большую осветительную бомбу, а затем “Юнкерсы” атаковали эшелоны. Начали гореть вагоны и рваться боеприпасы. Главный хирург закричал: “Убегайте в поле и в лес!” Многие из нашего эшелона побежали в поле, спасаясь от фашистских бомб и разрывов снарядов. Я же осталась в вагоне, потому что была старшей сестрой в перевязочной, и на мне лежала большая ответственность за медикаменты и медицинский инструмент. Неожиданно наш поезд тронулся и переехал мост через Днепр. Как только он переехал на другую сторону Днепра, в мост попала бомба и он рухнул в воду. Фашисты бомбили не только станцию, но и поле, поэтому из числа тех, кто убежал, было много убитых и раненых. Утром мы пошли искать своих. Убитых похоронили там же в лесу. Раненых не

отправляли никуда, оставили у себя. Под Кричевом наш госпиталь потерял около половины медицинского персонала. Тогда я была награждена орденом Красной Звезды.

Неделю наш госпиталь располагался в лесу под Могилевом. На паромках, плотках и лодках мы переправляли имущество через Днепр и перевозили в здание госпиталя. Госпиталю выделили бывшее здание МВД, в котором до нас располагался немецкий госпиталь. Фашисты бежали поспешно, в подвале даже спрятались несколько немцев, которых мы взяли в плен.

В Могилеве мы простояли около 4 месяцев. В этот год в здешних садах было много яблок. Мы собирали яблоки для раненых бойцов и верили в Победу. Наши войска вошли в Польшу.

В 1944 году наш госпиталь перебазировался в город Замброво в Польше. Шли тяжелые бои. Раненых было так много, что в помещениях госпиталя не было места. Они лежали на носилках прямо во дворе. Мы сами таскали носилки с ранеными и выбивались из сил. Потом главный врач назначил санитаров из числа легко раненых, и нам стало намного легче.

Когда наши войска вошли в Германию, наш госпиталь расположился в городе Арнсвальд. В этом городе располагалось несколько госпиталей — целый военный городок. Снабжение и питание раненых у нас теперь было организовано очень хорошо. В подсобном хозяйстве были коровы, свиньи, за которыми ухаживали немцы.

После Победы мы с мужем капитаном Могилей Иваном Николаевичем, тоже фронтовиком, вернулись в Ленинград. Я окончила 18-ю школу медсестер и работала в медсанчасти ЛОМО».

Вера Сергеевна проживает на территории нашего муниципального образования. Награждена орденом Отечественной войны II-й степени, орденом Красной Звезды, двенадцатью медалями, в их числе: медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией», медаль Жукова и другими.

Владимир Михайлович МУХМЕДИАРОВ

Воспоминания Мухмедиярова Владимира Михайловича, гвардии майора запаса, летчика-истребителя 14-го гвардейского истребительного авиационного Ленинградского Краснознаменного ордена Суворова III-й степени полка. На счету ветерана 82 боевых вылета, проведен 21 воздушный бой, сбито 3 самолета противника.

«Один день из жизни фронтового летчика»

Война. Карельский перешеек. Финляндия. Лето 1944 года, белые ночи. Погода — каждый день голубое небо. Идут жестокие бои. Каждый день по 6—7 боевых вылетов с воздушными боями и встречи с «фоккерами» и «мессерами». Полк несет большие потери. Прошу Аллаха, чтобы сделал перекур, но он меня не слышит.

Наша землянка недалеко от озера. Солнце встало, и мы встали. Чудное утро, красота такая! Птички поют. Эх! Порыбачить бы на зорьке! Идем на КП эскадрильи. Только успели подойти к самолетам, ракета на вылет. Самолет всегда на боевом взводе.

Без завтрака понеслись на прикрытие войск. Поле боя на высоте 5000 метров. Идем с максимальной обзорностью. Голова крутится на 180 градусов. Если первым противника не увижу, значит больше никого не увижу. Увидел противника первым, уже 50% успеха в воздушном

бою. Отутюжили
1 час 10 минут.

Второй вылет.

Восьмеркой идем на прикрытие поля боя. Ходим звеньями на встречных курсах. Это для защиты задней сферы. Высота полета гвардейская — 500 метров. Ходим целый час. Дежури́м эскадрильями попеременно по одному часу в первой готовности в кабине самолета. Жара, печет солнце. Техник прикрывает кабину самолета ветками.

Третий вылет. То же самое, что и во втором вылете. Проснулась война. Стреляют немецкие зенитки, но мы мало обращаем на них внимания. Привыкли уже. Больше боимся своих зениток, потому что наши стреляют лучше.

Четвертый вылет. Звенем (4 самолета) прикрываем пятерку «горбатов» (Ил-2), которые идут на штурмовку переднего края противника. В воздухе спокойно, поэтому ведем огонь по противнику вместе. У меня 37-мм автоматическая пушка и два крупнокалиберных пулемета.

Пятый вылет. Прилетел Пе-2 и просит «шапку», то есть прикрытие на разведку железнодорожного узла Котка в тылу врага. Летим парой с Васей Деревянкиным. Подходим к цели на высоте 6000 метров. Пе-2 заходит на цель со снижением до 4000 метров, чтобы сфотографировать железнодорожный узел. Заработали фашистские зенитки. Вокруг появились разрывы зенитных снарядов, машину бросает ударной волной. Запахло порохом. Маневрирую. Игра в кошки-мышки. Кажется проскочили. Идем домой. Вдруг на фоне неба заме-

*Плеханово, аэродром под г. Волхов,
1943 г. Командир эскадрильи Башкиров проводит
занятия по тактике*

Ленинградский фронт. Аэродром Чернево, г. Гдов. Весна, 1944 г. Летчики 2 авиационной эскадрильи. Четверо погибли летом. Слева направо: Глинкин Вася; Дервянкин Вася; Хайдин Боря; Глазунов Максим; Головин Макар; Зеленов Коля — герой Советского Союза, командир эскадрильи; Мухмедиаров Володя.

чаю четверку «фоккеров» — ищут нас. Идем на снижение, они нас не заметили. Пересекаем линию фронта. Сопровождаемый нами Пе-2 на прощание покачал крыльями, отблагодарил за прикрытие и ушел домой. Задание выполнено.

Шестой вылет. Солнце начинает садиться, но в эту пору оно долго не уходит за горизонт. Сопровождаем шестерку Ил-2 на штурмовку вражеской колонны. Оторвались, собрались и легли на курс за линию фронта. Ведущий штурмовиков — дважды Герой Советского Союза Жора Паршин. Мы: Глазунов и Гордеев — первая пара, Дервянкин и Мухмедиаров — вторая. Штурмовики работают по цели. Появляется четверка «мессеров». Завязался воздушный бой. Глазунов сбивает первого «мессера».

Я расстреливаю второго, он загорелся и факелом падает вниз. Остальные самолеты противника удрали. Мы все целы и невредимы. Возвращаемся домой другим маршрутом, чтобы противник не засек. Как вдруг напоролись на немецкие зенитки «Эрликон». Высота 1000 метров. Они нам такой фейерверк устроили. Со стороны если посмотреть, наверно, красиво было. Купаемся в огне. Самолет перевернуло, я его выпрямил. Смотрю на левое крыло — консоли нет. Мой самолет летит как-то боком, по кривой. Обрадовались фрицы, стали добивать. Испортили моего красавца, стал он как ободранная кошка. Прошу его: «Давай, родной! Довези до дома. Я домой хочу, я так давно не видел маму!» Летим с ним, ковьяля в мгле, на честном слове и на одном крыле. С большим трудом захожу на посадку, самолет плохо слушается штурвала и все время хочет уйти влево. Сел и зарулил на стоянку. Выбрался из кабины, обнял и поцеловал свой самолет. Теперь, думаю, отдохну, пока тебя лечить будут. Солнце уже село и закончился еще один тяжелый фронтовой день. За ужином, как водится, посидели и выпили честно заработанные фронтовые 100 грамм.

Новый день. Солнце встало, и мы встали. Идем на КП. Подхожу к самолету и глазам своим не верю. Стоит мой красавец, как новенький, и улыбается. Так здорово поработали техники. Пока мы, летчики, спали, они всю ночь ремонтировали самолет. У нас говорили, что летчик и техник как братья, самолет — связующее звено, а вместе они все — одно целое. Если летчик не возвращался с задания, техник стоял и плакал. Еще у нас говорили: «Летчики не умирают — они не возвращаются».

Потом много всего еще было, и победы и поражения, и посадки «на брюхо». На войне — как на вой-

Защитники ленинградского неба — Бойко Борис и я. Самолет Спитфайер. 1945 г.

Лучшие истребители конца войны конструкции Яковлева — ЯК-3 и на снимке ЯК-9У. На них полк закончил войну. Гвардии старший лейтенант В.М. Мухмедияров

не. Как-то раз прочесал мой самолет «Фокке-Вульф-190» из четырех пушек. Повредил и фюзеляж, и хвост, и крыло, и даже порвал на мне новые хромовые сапоги, только что полученные взамен кирзовых. Жалко их было очень. Но опять вытащил меня с поля боя мой боевой друг. Потом мой техник извлек из бензобака самолета головку от вражеского снаряда. Своеобразный сувенир от «фоккера» и память о тех жарких днях.

В том же 1944 году мне запомнился налет фашистской авиации 15 мая на наш аэродром у местечка Чернево под Гдовом. Аэродром бомбили пикирующие бомбардировщики «Ю-87» под прикрытием «Фокке-Вульф-190». Под огнем противника удалось взлететь только одно звено. Остальной летный состав и техники укрылись в окопах. Мы видели, как над аэродромом на высоте 100 метров в лобовой атаке сошлись «Як-9» и «Фокке-Вульф-190». Жуткое зрелище. Наш «Як-9» загорелся и упал тут же на аэродроме. «Фокке-Вульф-190» упал за границей летного поля в лес. Так героически погиб командир эскадрильи гвардии капитан Баранов Иван Дмитриевич. Он был похоронен в районе этого аэродрома. Вечная слава летчикам, не вернувшимся из боя!

Покорные общему закону мы, ветераны Великой Отечественной войны, уходим, оставляя Вам, грядущим поколениям, память о наших ратных подвигах. Мы воевали за Родину, за Сталина, за веру, царя и Отечество, не щадя живота своего!

*Защитник Ленинградского неба
ветеран Великой Отечественной войны
В.М. Мухмедияров*

Вера Николаевна ОВЧИННИКОВА

Родилась 22 ноября 1924 года в городе Миргород Полтавской области.

Участник Великой Отечественной войны. Кавалер ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны, ордена Славы II и III степеней, награждена многими медалями, среди которых медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Есть особый значок — «Отличный радист».

Родилась я в семье военного летчика. Когда мне исполнилось 9 лет, полк, в котором служил мой отец, перевели под г. Ленинград, в Осиновую рощу и я вместе с мамой и отцом переехала жить туда. Именно там впервые смогла пойти учиться в школу, но закончить ее так и не удалось, спустя 5 лет началась война.

С первых дней войны направили меня учиться в ремесленное училище по специальности «Токарь», обучение продлилось три месяца. После окончания училища сразу же отправили работать на фабрику «Микоян» в механический цех токарем. Там мы производили снаряды для фронта. Проработала до осени 1943 года. Так же, как все ленинградцы, голодала — мечтала хоть раз досыта наестся хлеба. Работала на оборонительных рубежах, дежурила на крышах домов и в бомбоубежищах.

Осенью 1943 года пошла в военкомат и, приписав себе два года, записалась добровольцем на фронт. От военкомата направили в школу радистов, а затем, после учебы, отправили на курсы разведчиков, закончив которые я получила звание старшего сержанта и стала радистом 1 класса, и тут меня отправили на фронт.

Попала я в 23 армию в 54 полк связи в начале весны 1944-го, полк на тот момент располагался в Сертолово, и с самых первых дней моего попадания туда началось наступление. Первое боевое крещение получила в боях на

линии Маннергейма, здесь же впервые была ранена: один из «кукушек», так мы называли финских снайперов, спрятавшись в листве на дереве, прострелил мне ногу. Пролежав пару недель в госпитале в Дибунах, вернулась в военную часть.

Однажды в одной из деревушек, куда мы пришли втроем на разведку, случилось самое страшное, что я испытала за всю войну. Проходя мимо одного из домов, мы отчетливо услышали детский плач. Сережа, мой сослуживец, бросился в дом на помощь к ребенку. Не успели мы войти вслед за ним, как на наших глазах изба взлетела на воздух. Финны заминировали маленького ребенка. Часто финны подкидывали нам и другие «подарочки»: идешь по дороге — и находишь золотые часики. А они — последнее, что ты видел в жизни, — тоже заминированы.

Так, вместе с 54 полком я прошла боевой путь от Сертолово до Выборга. После того как был освобожден Вы-

борг, перебросили на 3-й Украинский фронт, который располагался в городе Яссы, в Румынии.

В Румынии, впервые за долгое время, я увидела белый каравай хлеба, он просто заворожил. Вместе с моей подружкой, Машей, тоже радисткой, спрашиваем у пожилой румынской женщины: «Сколько стоит?» Но она по-русски не понимает и что-то бормочет про «леи» — это их деньги. А Маша ей в ответ: «Ты не леи, а взвешивай!» В итоге румынка поняв, что у нас нет денег, но, узнав, что мы из блокадного Ленинграда, отрезала нам хлеба бесплатно.

Вместе с 3-м Украинским фронтом участвовала в освобождении Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Австрии. 15 раз ходила в тыл врага, добывая разведанные и «языков».

Победу встретила в Вене. Сказать, что «ощутила» Победу сразу, нельзя, — осознание этого пришло гораздо позже. Осенью, уже спустя несколько месяцев после окончания войны, стало резко ухудшаться здоровье, и меня положили в госпиталь. Именно там, как ни странно, и пришло чувство, что война закончилась.

Но на этом моя служба в армии не закончилась.

После госпиталя вызвали в Большой дом и тут же, даже не дав попрощаться с родными, отправили работать за границу в Германию, где работала в штабном госпитале в Франкфурте-на-Одере, и после, в Потсдаме, в отделе цензуры. В 1951 году демобилизовалась, вернулась домой, вышла замуж, родила сына.

Сейчас я являюсь председателем Совета ветеранов первичной организации, ко мне часто со своими проблемами обращаются мои друзья — ветераны. Конечно, далеко не всегда я могу им помочь, но я стараюсь... Мы все знаем: не стареют душой ветераны!

Евгений Иванович ПЕЛЕВИН

Родился 24 октября 1925 года в деревне Тиволино, Кашинского района, Тверской области в большой семье (было 6 детей — 3 сестры и 3 брата).

После окончания восьмилетней школы в г. Калязине Тверской области поступил в машиностроительный техникум. После окончания 3 курса техникума в 1942 году был призван в Красную Армию. В начале прошел обучение в г. Переяславль-Залесский Ярославской области в течение 6 месяцев в школе младших авиаспециалистов, после окончания которой был направлен в 110 авиационный полк дальнего действия механиком по вооружению. Формировался этот полк в поселке Монино под Москвой. И начались военные действия и полеты. Готовили самолеты, которые отсюда вылетали на задания командования.

Затем в конце декабря полк был перебазирован в поселок Левашово г. Ленинграда. Двухмоторные самолеты ЛИ-2 (бомбардировщики дальнего действия) летали только ночью до 5 вылетов за ночь. Затем стали готовить самолеты для прорыва блокады Ленинграда, бомбили передовые позиции врага. Далее за фронтом двигались в Ленинград — Гатчина (Ленин-

Зима 1943–1944 г.

градская область) — Брянская область — Вильнюс — Польша — Австрия.

Известие об окончании войны застало в Польше, где жили в земляных бараках. Затем полк в составе 13-й дивизии дальнего действия был переправлен в Германию (1945 год) в Алтыслагерь, затем в Эстонию, а в 1948 году по приказу командования перебазировался в поселок Агалатово Ленинградской области. Затем был направлен в г. Пугачев Саратовской области в школу авиапланеристов. В конце 1948 года демобилизовался, приехал к родителям в Калининскую область и продолжил обучение в машиностроительном техникуме, по окончании которого был распределен в г. Таллин.

Награжден 32 медалями и орденом Отечественной войны II-й степени (медалями «За боевые заслуги», за «Победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга»).

Самое неизгладимое воспоминание осталось о прорыве блокады Ленинграда, которое застало в г. Гат-

Германия, 1945 г.

начальником технического отдела, затем работал инженером-технологом на заводе № 346. С 1961 года работал на заводе «Знамя Труда», прошел путь от инженера до заведующего отделом. На этом предприятии отработал 33 года до 1994 года. Воспитал сына (доктор технических наук), имеет внука и внучку.

Сразу после войны

чине. Было очень сильное напряжение, а парки и тротуары были завалены убитыми немцами, которые длительное время лежали на улицах.

Трудовую деятельность после войны начал мастером, а затем нормировщиком на заводе № 130 в городе Таллине. В 1954 году переехал в Ленинград к жене и сыну и устроился на завод «Новый строитель»

Давид Исаакович РОЗОВ

- *Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 по май 1945 года.*

★ **Награжден:**

- *два ордена Отечественной войны I-й степени*
- *орден Отечественной войны II-й степени*
- *два ордена Красной Звезды*
- *орден Боевого Красного Знамени*
- *юбилейные медали (более 20)*

В армию я пошел за год до начала войны. В 1940-м, сразу после школы. Служил в запасном полку в Рязанской области. Там мы строили аэродром. К 1941 году я окончил школу младших специалистов.

Когда объявили о нападении Германии на Советский Союз, я ничего не понял — мальчишка был. Ну, война и война. Началась всеобщая мобилизация. Помню, как колхозники на подводах возили землю, а мы ее сгружали в овраг и выравнивали.

Вскоре меня забрали в формирующийся 502-й боевой авиационный полк штурмовиков, командиром которого был Зотов (летчик, участвовавший в испанских событиях в 1935 году). Наш полк формировался под Москвой. Для меня тогда было удивительно видеть, как спокойно летают немецкие самолеты и сбрасывают листовки с призывом сдаваться: «Русские люди! Сталин в компании с комиссарами и с жидами продали Россию! Переходите на нашу сторону. Наша армия принесет вам свободу. Эта листовка является пропуском». Мы собирали листовки, а потом сжигали.

Каждый божий день с шестью вечера через нас летали немцы на Москву. С нашей стороны — абсолютное спокойствие, ни одного самолета. «Где же наши? — все думал я. — Почему их нет? В Москве пожары, толпы народа ходят по улицам».

«Как же так? — не мог понять я, — нам все твердили, что у нас такая могучая авиация. Рассказывали, что вокруг “ползают” шпионы, чтоб сфотографировать самолет СБ, который мы изучали, — скоростной бомбардировщик». А на самом деле все было не так. Но в то время я этого не знал.

В сентябре—октябре нам сообщили, что Москва — уже не столица нашей родины. Ею стал город Куйбышев, все консульства и министерства переезжают туда, а Москва переводится на осадное положение. Нас в это время отправили в Воронеж получать самолеты.

Пока ехали, предыдущий эшелон разбомбили — от него остались только колеса. Нам удалось проскочить. Добрались до города: все улицы забаррикадированы

мешками с песком, оставлен проезд только для трамваев, звучит воздушная тревога. Слышны крики: «Сбили, сбили!» Спускаются летчики, оттуда мат: «Что вы такие-сякие! Мы свои!» Оказывается, попали по ошибке в своих.

На следующий день поехали мы на завод. Но вместо него увидели пустые коробки. Ни рабочих, ни завода, ни самолетов. Оказывается, самолеты эвакуировали. Мы приехали на пустое место. Нас отправили назад, в запасной полк. Оттуда перебазировали под Куйбышев, где мы занимались переучиванием летного состава на самолет Ил-2. Эти самолеты были тогда новинкой: единственные штурмовики, они должны были на низком — бреющем до 60 метров высоты — полете простреливать технику и живую силу противника. Кабина летчика и жизненные центры самолета были прикрыты 5-мм броней — стрелковое оружие его не брало. Под крыльями были установлены балки для реактивных снарядов. Так что, Илы эти называли «летающими танками». Зимой 1942 года я в ранге авиационного специалиста занимался обслуживанием этих самолетов.

А осенью, после победы под Москвой, меня отправили в пехоту, в запасной полк в город Чапаевск. Оттуда в качестве командира отделения ампулометного взвода химроты попал под Старую Руссу. Там я понял, что такое война...

Старая Русса — болото, лес, гати, голод, холод, вши. И вот нас, двадцать тысяч бойцов, бросили под какую-то деревню. В нашей дивизии была еще бригада морской пехоты. Она сходу взяла какую-то деревушку, под которой фашисты до этого положили несколько дивизий.

23 февраля 1943 года планировалось наступление на Старую Руссу. Операцией занимался маршал Василевский. Для наступления привезли танки. А они все увязли в болотах... Ни помыться, ни поесть, ни переодеться. У меня валенки до дыр были сношены, ходил в одних портянках. Со снабжением и боеприпасами было очень плохо.

Началась артподготовка. Нас поставили во второй эшелон. Первый эшелон немцы разбили, сожгли несколько танков. Наступление на этом заглохло. От двадцати тысяч почти никого не осталось. Все время, пока я там был, все думал: «Когда же меня-то ухлопают?»

Вечером после наступления я вышел из землянки покурить. А в это время шла артиллерийская дуэль: немцы стреляли по нашим, наши — по немцам. Вдруг я очутился на земле. Встать не могу. Посмотрел — сосна срезана, как ножом. Мне говорят: «Ну, тебе “повезло” — бедро пробито». Дотащили меня до землянки, отправили в медсанбат. Находился он в лесу, в натянутой палатке. Столы стоят, санитарка тряпкой со стола кровь вытерла — ложись.

Я лег и потерял сознание. Помню только, что разговаривал с врачом, он спрашивал, могу ли я встать. После этого меня перевели в другую палатку, и там я суток двое-трое проспал. Потом был госпиталь в Демьяновске, Костроме, городе Режь Свердловской области. К апрелю я поправился. Думаю: «Из госпиталя — в военкомат, из военкомата — в стройроту, и погонят назад, на войну. На этот раз, наверное, все — живой из этой катавасии не выберусь». Выписали меня в апреле 1943 года. Написали: «К строевой службе пригоден». Пришел в военкомат, там говорят: «Учиться пойдешь?» «Боже мой! Учиться! — подумал я. — Ну, конечно!»

Школа воздушных стрелков в Троицке, южный Урал. Приехал туда. Там нас было несколько человек раненых. Начальник школы спросил:

— Вы что, все раненые?

Отвечаем:

— Да.

— Ну, ладно, ребята, будете заниматься только теорией. Я от строевой службы вас освобождаю.

Пробыл я там около месяца. Приехал майор, «покупатель», спрашивает:

— Кто был на фронте, поднимите руку.

Таких оказалось шесть человек.

— Все со мной поедете в 826-й штурмовой авиаполк.

Приехали опять под Москву. Майор оказался начальником штаба этого полка, подошел ко мне и сказал:

— В третью эскадрилью пойдешь, найдешь солдата. Он — командир эскадрильи.

Я пришел, смотрю, солдат лет 35, без погон, без звания. Я подошел, доложил:

— Товарищ командир, младший сержант Розов прибыл для прохождения службы.

Он:

— Хорошо. У тебя будет летчиком сержант Стригунов, командир экипажа.

Я встретился с этим сержантом, разговариваю, разглядываю его: маленький, носатый. Рассказал мне, что он из крестьянской семьи, окончил аэроклуб, училище, зовут его Василий, сейчас его прислали сюда.

Начались учебные полеты. В одном из них у нас отказал мотор. Но Василий сумел посадить самолет на аэродром. У нас установились дружеские отношения. А летом мы начали систематически летать на задание. Первое было в районе Смоленска.

Первые самолеты Ил-2 были одноместные: только для летчика. Илы эти стали очень тревожить немцев, так как приносили большие потери немецкой армии. Немецкое командование дало указание раскрыть «секрет» самолета, что и было сделано. Немцы взяли сбитый Ил-2 и выявили его уязвимые места. Оказалось, что 20-мм снаряд (это пушки эрликон) броню самолета пробивает, что задняя полусфера самолета абсолютно незащищена. Эти сведения позволили немецкому командованию разработать тактику ведения воздушного боя с Ил-2. Немецкие истребители получили указание

не нападать на самолет, а просто подходить и сбивать его. Сделали зенитную установку из четырех авиационных пушек эрликон, каждая из которых давала по шестьсот выстрелов. Эта установка на расстоянии ста метров Ил-2 как пилой разрезала. А так как он летал на низкой высоте, то и метиться не надо было особо. Истребители подлетали к крылу, немецкий летчик показывал через форточку такой жест: большой палец вверх, а потом опускал его вниз, что означало, сейчас я тебя уничтожу, разворачивались, заходили в хвост и сбивали. Начались огромнейшие потери Илов.

В связи с этим наше командование обратилось в ставку с заявлением о том, что Ил-2 надо снимать с вооружения. Но в то время другого самолета, который по боевым качествам приносил большие потери немцам, не было. Тогда решили издать указ: без сопровождения истребителей Ил-2 на задание не посылать. А где их взять? Истребители тогда только создавались. Было принято решение посылать вместо истребителей «модернизированные» Илы: в фюзеляже самолета устанавливали пулемет, сажали бойца, привязывали его, чтоб не вывалился, и он стрелял из оружия во время воздушного боя. Такие помощники для пилотов были на вес золота — ведь от них зависела жизнь. В конце 1942 — начале 1943 годов началось массовое производство двухместного Ил-2, на котором мне и довелось летать.

Осенью в 1943 года шла битва за Смоленск. В это время он был у немцев. В районе Духовщины начались бои, чтоб закрыть двери на Москву.

Полетели с Васей Стригуновым на задание. Прилетаем к Смоленску — как всегда, немцы дают заградогонь. Наша цель — пройти через него и нанести удар. Справа, смотрю, немцы, как рой пчел, — идет воздушный бой. Мы прошли это препятствие, я глянул наверх, а над нами — «пэшки» — пикирующие бомбардировщики. Вижу, как открывается отделение и валятся бомбы. Такое впечатление, что они летят на тебя. Но обошлось. Вася нашел цель, завалил самолет для пикирования, а в это время, вижу, вываливается из облаков над нами Ла-5 (Лавочкин 5-й) и пикирует за нами. Думаю: «Какого черта Лавочкин-то за нами пикирует? Мало того, что “пэшки” нас чуть не сбили, еще

и Лавочкин!..» Я открыл по нему огонь. Он ответил нам и спикировал. Задание мы закончили, пристроились к нашей группе, идем домой. Прилетаем на аэродром, все садятся, а мы крутимся:

— Вася, что мы тут болтаемся?

— Лебедкой выпускаю шасси. Шасси не выпускаются.

Спланировали все-таки, сели, в конце пробежки нас закрутило. Оказывается, Ла-5 оказался немецким истребителем. Мы впервые встретились с ним, чудом уцелели, снаряд попал лишь в плоскость.

За полтора месяца, что мы бились за Смоленск, мы сделали вылетов пятнадцать. И от нашего полка остались «рожки да ножки».

Нас отправили на берег Западной Двины в тыл.

В этом полку я пробыл два года, совершил 133 боевых вылета.

Победу встречал в Восточной Пруссии. К маю 1945-го мы уже ждали Победу, но когда это произойдет, не знали.

...Обычно будили нас очень рано, с восходом солнца, часа в три утра. А тут почему-то не будят. Мы проснулись, спрашиваем: «Что такое?» Нам говорят: «Война кончилась!» В голове у нас одна мысль тогда промелькнула: «Сегодня нас не собьют, не убьют!» Тогда же появился вопрос: как мы жить будем дальше?..

Подготовила С. Титова

Леонид Васильевич СЕМИБРАТОВ

★ **Награжден:**

- орденом Ленина
- орденами Отечественной войны II-й степени, Красной Звезды
- медалями – «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль Жукова и другие.

Родился Леонид Васильевич 30 апреля 1924 года в Ленинграде. Весной 1941 года окончил 10 классов.

Началась война, ему было 17 лет. Вступил в народное ополчение, которое формировалось в Красном селе (1-ая Кировская дивизия народного ополчения). Рыли окопы, строили оборонительные рубежи. Потом дивизия была переброшена в Лужский район. Первый бой принял у станции Ботецкая.

Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. В 1942 году под Ленинградом получил черепно-мозговое ранение – осколок остался в голове, лежал в 544-м военном госпитале. После выписки попал на 2-й Украинский фронт, освобождал Болгарию, Венгрию, Австрию. Получил второе ранение

и в 1945 году был демобилизован по инвалидности. Всю войну прошел рядовым бойцом.

После войны учился, получил специальность моториста. Работал в Балтийском государственном пароходстве — мотористом, затем на Беломорской базе государственного лова в г. Мурманске — старшим механиком судна.

В 55 лет ушел на пенсию (льготный стаж — северный). Будучи на пенсии участвовал в общественной жизни города: был членом Совета ветеранов войны, помогал в детской комнате милиции в работе с трудными подростками. Проводил уроки мужества в школах и училищах.

Австрия.

Виталий Федорович ТАЩИЛОВ

- Участник русско-японской войны.
- Участник Великой Отечественной войны.

★ Награжден:

- двумя орденами Отечественной войны I-й степени
- двумя орденами Отечественной войны II-й степени
- двумя орденами Красной Звезды
- Имеет 26 медалей, среди которых: медаль «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Белоруссии»

Родился я 8 марта 1925 года в селе Пордзни, Ивановской области в семье служащего, мать домохозяйка, 5 детей в семье было — 3 брата и 2 сестры. Отец в селе работал заготовителем дикорастущих ягод и грибов, село большое было, 2 церкви. Позже отец переехал по службе в Горький, там он недолго проработал, а в 1930 году переехал в город Череповец. Вся семья переехала с ним. В Череповце он стал заведующим конторы по заготовке дикорастущих ягод и грибов. Я там впервые пошел в школу, закончил 10 классов, когда началась война,

еще учился. В то время любил заниматься спортом: играл в футбол, хоккей с мячом и с шайбой. В день, когда началась война, мы с ребятами пошли на стадион, там должен был состояться футбольный матч с одной из Ленинградский ко-

манд, погода была хорошая солнечная. О том, что началась война, объявили еще утром, но мы не слышали и узнали об этом уже на стадионе.

Отношение было такое, честно: «Ну что же, война, как Ворошилов говорил, будем воевать только на чужой территории, месяц два и все, будет короткая война и нас не заденет».

Иногда были слышны взрывы, сначала все думали, что это все шуточки, но в начале стало пропадать продовольствие. Мать, так как нас было много, часто ездила по деревням, пришлось менять многие вещи на продукты. Старший брат на момент начала войны служил в Белоруссии, должен был демобилизоваться. 11 мая брат прислал нам письмо, последнее. В нем написал что «наверно, меня не демобилизуют». И все... последнее письмо и он пропал. Я еще, по-глупости, сказал тогда: «Ну, наверное, в плену воду возит». А он действительно попал в плен. Вышли они на учения, без снарядов, без ничего и ему, в суматохе, колесо пушки ногу переехал, попал в госпиталь, а там, в плен. Был в Германии он, вербовали их в немецкую армию, и кто отказался, отправили в концлагеря Норвегии. И я вот потом нашел его там. Средняя сестра работала в госпитале в Петрозаводске во время войны, младший брат остался вместе с родителями.

Еще до призыва в армию искал работу и нашел, меня пригласили в спортобщество инструктором, прора-

ботал немножко, в 1942 году закончил школу, и в декабре месяце меня, 17-летнего, призвали в армию.

9 января 1943 года зачислили курсантом в Лепельское пехотное училище города Череповца, которое эвакуировано было с Запада, там я прошел ускоренное обучение, выпускали нас тогда младшими лейтенантами, и в декабре 1943 года меня направили на фронт.

Попал на 3-й Белорусский фронт в 159-ю стрелковую дивизию, 491-й стрелковый полк. По прибытию в часть меня направили в минометную батарею полка, командиром взвода — старшим офицером батареи. Знакомясь с личным составом батареи, я узнал, что они имели колоссальный опыт, многие из них начали боевой путь еще во время обороны Москвы, в 1941 году. Состав был интернациональным — русские, украинцы, белорусы, татары, казахи. Многие из них годились мне в отцы, можно сказать, что я учился у них, все были очень дружны. Во время боевых действий было очень мало потерь, по прибытию на новый огневой рубеж они сразу окапывались, делали себе убежище, закапывали матчасть, рыли окопы. С личным составом батареи я прослужил до августа 1945 года.

Первое боевое крещение, когда я попал под обстрел, произошло, когда я шел в свою батарею: мне поручили из штаба полка взять 8 человек солдат и привести в батальон, который стоял в поселке Кринки, под Витебском, куда они были назначены служить. И так как открытая местность была, немцы нас засекли и открыли артиллерийский огонь. Я вспомнил, как нас учили в училище если попадаете под обстрел, слышите звук, надо сразу падать на землю; взрыв произошел, если вас не зацепило, не ранило — вскочить и бегом вперед, и я с солдатами, таким образом, избежал тяжелых ранений, одному только солдату попал кусок снаряда в спину, плашмя, но его еще спас вещевой мешок. И мы все благополучно пришли в назначенное место.

Пришли в батарею, она располагалась вдоль железнодорожных путей, землянки в полный рост выкопать было нельзя, так как была вода, и были они на метр с чем-то, в эти землянки заползали лежа, потому, что встать было нельзя. Мы здесь стояли несколько месяцев, немцы были рядом, траншеи находились так близко, что были слышны их разгово-

воры, музыка, обед, например, у них был в два часа, все точненько заканчивали и на обед.

Потом нас перевели под озеро Шолохово. Полк передислоцировался. Здесь была длительная оборона, мы там простояли до лета 1944 года. И вот что мне запомнилось. Перед самым нашим наступлением, перед артподготовкой, буквально за пол-суток, немцы открыли артиллерийский огонь по нашим позициям, огонь был кратковременным, наши засекали эти батареи и открыли ответный огонь. Спустя некоторое время, оттуда, с этого района, где засекали батарею, побежали мирные жители. А что немцы сделали... Они согнали всех в одно место, поставили батарею там, открыли огонь, с целью, чтобы мы засекали их и по этому месту ударили сами, по своим же. Жители чувствуют, стреляют и наши, что делать? Побежали в нашу сторону, а место-то было, нейтральная полоса, заминировано и нами и немцами. Стали подрываться, мы выслали вперед несколько солдат, чтобы остановить их и вывести по заминированному участку, это ужас был. Много погибло: женщины, дети, старики.

Наше наступление началось сильной артподготовкой, как всегда, в первых эшелонах идут штрафники; и вот я там впервые увидел, что штрафбату дали плиты металлические, на живот и на спину, но они не сильно помогали, пули попадали в голову, в другие незащищенные места.

Первый орден Красной Звезды получили втроем, выпускники одного отделения училища минометного дивизиона Лепельского пехотного училища. Нас вызвали в штаб полка, где командир полка майор Петин и его жена устроили нам маленький прием. Она налила в три кружки водки, а командир полка туда опустил ордена, поздравил нас и предложил выпить за получение ордена.

Наступление продолжалось, были освобождены Смоленск, Витебск, Вильнюс, Каунас, Кенигсберг, Дальний Восток. Дивизии нашей было присвоено звание Витебская. После окончания войны витебское руководство не раз приглашало участников боев по освобождению Витебска в гости.

Сложные бои были, когда мы Вильнюс брали, форсировали Неман. Течение было очень сильное, а

подручными средствами мало были обеспечены, лодками только. Немцы беспрепятственно стреляли по нам, бомбили, на бреющем полете даже летчика видно было. Я тогда как раз в ногу был ранен, на одной ноге сапог, другая перемотана, самолет вокруг дерева крутился, летит, стреляет. Очень тяжело было.

А когда Вильнюс брали, у немцев очень много танков было сосредоточено на этом направлении. Цель нашей батареи была отрезать пехоту от танков, можно сказать, прямой наводкой, хотя минометы прямой наводкой не стреляют, но визуально мы их видели, а рядом стояла батарея зенитчиков, и они, вместо того чтобы сбивать самолеты, стреляли по танкам из зенитных пушек, страшный бой был тогда. При взятии Вильнюса было подбито 48 немецких танков.

При взятии Кенигсберга 5 тысяч наших самолетов бомбили город, мы обходили восточнее. А закончил боевой путь наш фронт в Пилау. Здесь вышли на косу, по нашим войскам вели огонь немецкие корабли с моря, а на косе власовцы и немцы бились до последнего, потому что дальше отступить им было некуда. Бой закончился, только отдельными выстрелами продолжали стрелять корабли. У меня здесь друг погиб, вместе училище заканчивали. Машина стояла немецкая легко-

вая, он говорит: «Дай заведу, поедем», я ему отвечал: «Да брось ты, пойдем», а мы как раз место обследовали, выбирали, где отдохнуть. Но он все-таки пошел к машине и попал под случайный выстрел.

Ночью, когда уже все закончилось, стреляли из всех видов оружия, пистолетов, автоматов, пушек, война для нас закончилась. Был апрель месяц.

Мы уже готовились отправиться домой, но в два часа дня позвали в штаб, командир полка объявляет: «Погрузитесь, и в Инстенбург». И вот 24 апреля мы погрузились в эшелон и отправились на Дальний Восток.

Конечно, нас встречали по дороге, так все здорово было. Когда стояли в Москве, успел сходить к своей девушке, с которой учились вместе. Впоследствии она стала моей женой, живем вместе до сегодняшнего дня.

На вокзале в Москве стоял еще пассажирский поезд, в котором находилось японское посольство, окна были открыты, но когда подъехал наш эшелон, они стали закрывать шторы, знали, куда мы едем.

Еще в пути был интересный случай. 9 мая, будучи в дороге, мы узнали, что война закончилась, наступил

День Победы, стояли на станции Новосибирск-2, и так как была остановка, надо было произвести вывод конского состава. У нас в батарее вся тяга была конная. К тому времени я уже был командиром батареи. И столько солдат выехало на лошадях, пронесли по центральной улице галопом, пыль, шум, гам, жители были ошарашены.

Еще был приказ: на всех вокзалах, станциях, куда мы прибывали, запрещали продавать нам спиртное. Но однажды, будучи в Инстенбурге, когда мы приехали на погрузку, один солдат «пронюхал», что там стояла цистерна со спиртом, сделали несколько выстрелов. солдаты подходили с котелками, рядом была водокачка, там разбавляли. Как-то раз, после войны, году в 1986, мне удалось снова побывать в тех местах, водокачка стояла на месте.

Прибыли на станцию Шмаковка, вблизи Владивостока, там нашу дивизию расположили в сопках; все бы ничего, но мошкара там заедала.

Наша дивизия должна была наступать от станции Пограничная, ночью ездили на реку Серовку, смотрели, где, как расположены японские войска.

Когда начали наступать, сделали мощную артиллерийскую подготовку, на один квадратный километр било приблизительно 200 орудий, заканчивали артиллерийский огонь РС «Катюша», для нас это служило сигналом к наступлению. Когда пошли наши первые разведроты, батальоны, ответного огня не было, а у «япошек» были очень хорошие укрепрайоны, дзоты, оптика, а, как оказалось, «япошки» настолько испугались, что спрятались под нарами. Это был август месяц 1945 года.

Продвижение было свободное, армия начинала потихонечку капитулировать, но не сдавалась. Много было самураев, которые делали себе харакири.

Случилось там еще вот что. 18 августа мы с приятелем, Юрой Калининым, с которым мы дружим до сегодняшнего дня, офицером артиллерийского полка, ехали из штаба после совещания ночью вдоль реки Бзыбь, впереди ехал командир дивизии генерал Калинин. Неожиданно смертник бросился под переднее левое колесо. Юра сидел впереди справа,

я сидел сзади, нас выбросило из машины, я упал, сразу за пистолет схватился. Что, чего — никак не пойму, потом стало плохо, потерял сознание. Взрыв слышали, сильный взрыв, вернулись, кто впереди ехал, отвезли в медсанбат, потом в госпиталь, около месяца там пролежали с Юрой. Больше всего пострадал шофер, ведь именно к его колесу бросился смертник.

Когда нас выписали, война уже закончилась. На момент окончания войны мне было 20 лет.

После выписки поехали во Владивосток погулять, в поезде вместе с нами ехали артисты цирка. Юра познакомился с одной девушкой, они пригласили нас в гости, когда прибудем во Владивосток. И вот мы нашли ее там. Вдруг она захотела пойти в оперный театр, там как раз гастролировал Свердловский оперный театр на оперетту «Розмари». А там столько народу желающих попасть, билеты никак было не достать. Вдруг вышел герой, моряк, он купил 7 билетов на друзей, я зашел за ним, попросил: «Слушайте, надо 3 билета». «Кому?» — спросил он. — «Командиру дивизии, генералу». — «А вы кто?».

«Я адъютант». — «Два дам, для генерала и для его жены». — «А я куда? Что прикажите по улице два часа ходить?» И он все таки дал мне билеты.

Но мы ведь боялись, чтобы обман не обнаружился. Заходили так: третий звонок, и только начинает гаснуть свет, быстро забежали, сели, а перед этим один из нас заходил и посмотрел, где наши места. Как только оперетта закончилась, быстро выскочили на улицу.

После окончания войны меня направили служить в военную часть в Пушкине, во вторую артиллерийскую дивизию. Нашу часть привлекали к разминированию, была создана оперативная группа по уничтожению обнаруженных взрывоопасных единиц, моя батарея разминировала Пушкинский парк, Павловский парк, хотя мы и не были саперами.

В парке спускали все пруды, на дне было очень много снарядов, мин. И вот возле самого грота в Пушкине, где Большое озеро спускалось в Малое, были обнаружены мины противотанковые итальянские, они лежали в ящиках, но так как они в воде лежали, ящики уже развалились и взрывчатка испортилась. Мины в бутылках находились, розовая такая масса, кристаллообразная. Их было очень много. Что делать? Приехал секретарь горкома, председатель горисполкома, я объяснил им ситуацию. Нам положено взрывать на месте, переносить было запрещено. Но могли разрушить грот и Камеронову галерею. Вызвали профессора, сапера, взяли полную бутылку, полбутылки, четвертину бутылки проверили в Павловском заповеднике, мощность была такая... Взрывчатку вывезли.

Как-то раз разминировали место около Чесменской колонны, обнаружили какую-то железяку, а находи-

ли и часы и всякие другие разные вещи, почистили, а поднять не могли, приехал командир бригады, «Что ты копаешься?» — спросил он меня. — «Взорви и сдай на металл, батарею еще телевизор купишь». Я говорю: «Нет». Поехал к Александрову — директору дворцов и парков, все рассказал, он приехал. Когда почистили от ила плиту, увидел, за голову взялся: «Эти плиты по всей Европе ищут, 3 нашли, а эта 4, последняя». Плита оказалась гравировкой в честь Чесменской битвы, которая находилась на колонне.

Много еще историй было.

Отслужил я здесь 10 лет, до 1955 года, а в 1955-м меня пригласили на беседу к начальнику Военно-артиллерийской академии, к главному маршалу артиллерии Воронову. Он предложил мне стать его адъютантом.

Маршал Воронов был исключительно честный, интеллигентный, высокообразованный человек, никогда от него не слышал грубого слова. Никогда не позволял себе сделать что-нибудь за счет государства или академии, все свои личные вопросы решал сам. К примеру, ему горисполком подарил дачу в Комарово, он попросил оценить ее и выплатил все, до копейки, деньги.

В 1958 году его перевели в Москву, а я не согласился переезжать вместе с ним, остался в Ленинграде, понимая, что там меня никто не ждет, офицеров там и без меня было предостаточно. Но помогал ему с переездом, Рокоссовский прислал ему специально вагон свой, чтобы перевезти его, в этом вагоне я ехал вместе с ним в Москву, чтобы помочь там разместиться. Уже в Москве, на память мне подарил именной портсигар. После того как я вернулся в Ленинград, продолжил служить в академии. Спустя некоторое время меня назначили начальником строевого отдела в Высшее инженерное строительное училище. Потом через 5 лет я попросился уйти на кафедру преподавать, и в 1977 году по возрасту я уволился в звании полковника.

Сейчас живу со своей женой, вместе мы уже 62 года, есть два сына, оба офицеры, внуки.

Владимир Дмитриевич ТИМОФЕЕВ

★ Награжден

- медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие»
- имеет знак «Ветеран Краснознаменного Балтийского флота», знак «Дорога жизни»

Родился я в Ленинграде 1 января 1929 года в семье рабочих. Жили мы в то время на Малой Охте. Когда началась война, мне было лишь 12 лет. Случилось так, что 22 июля, спустя лишь месяц с начала войны, у меня родилась сестренка, она была второй дочерью в семье, средней к этому времени было 7 лет. Мать сразу же после родов вышла на работу, и мне пришлось ухаживать за младшей сестрой. Через год сестренку отдали в круглосуточные ясли, а меня устроили работать на «Ленинградский Петрозавод» учеником судосборщика.

На заводе мы строили военные и гражданские суда, ремонтировали подбитые. Участвовал в строительстве сторожевых кораблей «Туча», «Владимир Полухин»,

тральщика «Громов» и других. Здесь мы также строили специальные суда, предназначенные для переправки хлеба в блокадный Ленинград через Ладогу по Дороге жизни.

Как и все ленинградцы чувствовал на себе все ужасы войны и голода. Два раза за войну у меня пытались украсть сестренку, но я вовремя выхватывал ее из чужих рук: с какой целью они это делали, не трудно догадаться.

Война унесла жизни многих людей, и я не раз был на волосок от смерти.

Однажды, забрав сестренку из садика, который находился возле Метрополя, я возвращался домой. Прошли Охтинский мост, поднялись на последний 4 этаж, где жили. Я открыл дверь, проходя по длинному коридору, увидел соседей, мы немного разговорились. Вдруг раздался страшный грохот, как позже выяснилось, в крышу попал снаряд. Войдя в свою комнату, я увидел огромную дыру в потолке, выбитые стекла и изрешеченные стены. Попади я в комнату чуть раньше, то думаю, что ни я, ни сестренка не выжили бы.

Всю войну я проработал на заводе. О том, что война закончилась, помню, объявили по радио. Все соседи дружно выбежали на улицу, пошли гулять по городу, радовались, поздравляли друг друга. На работу, конечно же, в тот день никто не пошел. Но то, что война действительно закончилась, мы ощутили гораздо позже, когда началась мирная жизнь.

После войны остался работать на заводе, до 1949 года мы строили в основном военные суда, после начали строить и гражданские. В общей сложности проработал я на «Ленинградском Петрозаводе» 55 лет, вышел на пенсию в 1997 году. В 1975 году мне было присвоено звание ветеран труда, на заводе мне выдали почетный пожизненный пропуск. Сейчас я на пенсии, но воспоминания о войне, блокаде Ленинграда до сих пор свежи в моей памяти.

Георгий Степанович ФЁДОРОВ

Я родился 31 декабря 1923 года в г. Луга, там жили бабушка, дядя и мой отец, который у Урицкого был шофером. В 1928 году переехали в Петроград на улицу Ленина (дом снесен) к маминной сестре, они все жители Петрограда. После убийства Урицкого отец стал работать кочегаром, водопроводчиком, в 1930 году поступил работать кочегаром в дом 19 по Мичуринской ул. (бывшая Малая Дворянская), дали однокомнатную квартиру. Вот с этого года началось мое детство, до школы — все время во дворе, у нас был передний и задний двор, был красный уголок, где проводились мероприятия. Управдом был хороший, все делал для ребят, даже организовал струнный оркестр из ребят. Ребят было много: старшие, средние и мы, младшие. Когда старшие играли в волейбол, мы сидели на сарае, смотрели (у нас были двухэтажные сараи); средние, особенно Витя Кукушкин и Юра Грязев, хорошо играли на гитаре и мандалине. На заднем дворе был турник, стол, скамейка — там играли в шашки, шахматы. А мы, младшие, сделали футбольные ворота, спилили сетку и играли в футбол, только трещал забор и звенели стекла. А зимой заливали каток без помощи взрослых. Летом играли

в крокет, «кола-забивало», штандер, лапту, 13 палочек, «попа загоняло», «чижика».

Было много ребят, кто в финскую погиб, кто в Отечественную, кто после войны. Осталось нас на данный момент двое: Виктор Копнель да я.

В 1939 году устроили на завод «Электроприбор» учеником механиком, моего бригадира Леню Голованева из Левашова взяли на финскую войну, он так и не вернулся. Вот с этого времени я стал работать, получил 3 разряд. И стал заниматься футболом и русским хоккеем, играл за юношескую сборную завода.

В 1941 году началась война, блокада Ленинграда, голодовка, бомбежки. Мы с крыши скидывали зажигательные бомбы на землю, там стояли бочки с водой. Потом на ул. Мира была строительная контора, я поступил на разборку деревянных домов, пилил дрова в госпитале на ул. Добролюбова в школе, где лежали раненые. Потом на ул. Чапыгина завербовался в партизаны, но после двух провалов две группы пошли через фронт и их уничтожили, нас тогда распустили. Отец умер, мамыны тетки тоже. В апреле 1942 года завербовался строить на Ладоге пристань, условия были плохие, и нас 20 человек убежало кто куда. Я уехал в Казахстан г. Усть-Каменогорск, там украл краюху хлеба, ну посадили на год, хорошо что попал в рабочую камеру, там ожил, ноги были опухшие, пришли более-менее в порядок.

Оттуда в 1943 году взяли в армию и направили в г. Пугачев Саратовской области учиться на наводчика 122 мм пушки. А далее довели до г. Клина, попали в Демьяновский котел, вышли из Демьяновского котла без потерь. Потом били из минометов по Старой Руссе, отдых на озере Ильмень. А так служил рядовым в 482-м минометном полку главного резерва. После ранения — 674 стрелковый полк, после ранения — 709 стрелковый полк, и опять ранения. Попал в 20 гвардейский стрелковый полк 7-го гвардейской дивизии 2-го Прибалтийского фронта, был уже гвардии ефрейтор. Прошли мимо г. Великие Луки, Новосокольники, левее г. Риги, а там шли тяжелые бои за порт Виндава. Там меня тяжело ранило, и война для меня кончилась, возили по медсанбатам, потом г. Рига и конечный пункт г. Бежецк.

В итоге 5 раз ранен, перенес 10 операций, ношу в себе 6 осколков. Есть награды. Так, в одном бою — я уже был радистом, вызвал огонь на себя, немец был в доме, а мы в подвале, но нас выручили штрафники.

А если посмотреть: кто жил, наживался и не воевал, но приравняли к инвалидам Великой Отечественной войны. 18 мая 1945 года меня, как инвалида Великой Отечественной войны, отправили домой в г. Ленинград. Приехал, устроился на ул. Чапыгина в радио-мастерские. Пришел в себя и стал играть за футбольную команду «Молния», председателем был Фольшин. Потом работал и играл за «Вибратор» и команду завода «Двигатель». Бросил играть в футбол в 47—50 лет, стал судить общество «Труд», потом городские соревнования, получил республиканскую категорию. Был 2—3 года главным судьей по футболу в Куйбышевском районе, и уже более 30 лет я в Калининском районе главный судья по футболу. Отсудил более 1280 игр, на разном уровне.

*Пишет житель блокадного г. Ленинграда,
инвалид Великой Отечественной войны 2 группы III степени,
ветеран труда,
судья республиканской категории,
блокадник*

Юрий Сергеевич ФЁДОРОВ

В год 65-й годовщины Великой Победы хотелось бы вспомнить тех ветеранов Великой Отечественной войны, кто своим ратным трудом приближал долгожданную и необходимую, как воздух, Победу.

В этот год мы вспоминаем и о тех ветеранах, которые продолжают находиться в строю и вносят огромный вклад в воспитание и обучение офицерского корпуса наших Вооруженных Сил, и о тех, кто сейчас находится на заслуженном отдыхе, скорбим об ушедших из жизни и не доживших до этого светлого праздника.

К числу этих замечательных людей, ветеранов Великой Отечественной войны, относится Федоров Юрий Сергеевич — академик Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего образования России, доктор военных наук, профессор, генерал-майор в отставке.

Ю.С. Федоров родился 15 сентября 1926 года в Ленинграде в семье рабочего. На момент начала Великой Отечественной войны Юрию Сергеевичу было 14 лет. О тех днях Юрий Сергеевич вспоминает:

«В октябре 1941 года нашу школу на Большом проспекте Петроградской стороны разбомбило. Я, как и многие мои товарищи, пошел работать на завод им. 2-й Пятилетки. Завод выпускал автоматы. Меня определили в инструментальный цех. С взрослыми вместе трудились подростки и дети. С 13 ноября 1941 года рабочие получали 300 г

хлеба, остальные — 150 г, с 20 ноября 1941 нормы снизились до 250 и 125 г, соответственно. Острый недостаток питания и топлива, постоянные обстрелы и бомбежки, а также вызванные ими нервно-психические переживания резко увеличивали смертность среди населения блокадного Ленинграда.

На свой завод я уходил каждый день в 6 часов утра, а возвращался в 21–22 часа. Идти приходилось пешком с Петроградской стороны до Лиговского проспекта, так как транспорт в городе не работал с декабря 1941 года. Может быть, благодаря работе на заводе и ежедневным длительным перемещениям мне удалось выжить».

15 октября 1943 года Юрия Сергеевича призывают на военную службу во 2-ю учебно-стрелковую бригаду Московского военного округа, где он окончил полковую школу по специальности командир 45-мм противотанкового орудия. В октябре 1944 года его готовят к отправке на фронт, но пришедшая разрядка на подготовку командиров взводов во 2-м Горьковском танковом училище вносит свои коррективы. И Федоров был направлен во 2-е Горьковское танковое училище в г. Ветлуга. Во время обучения в училище Юрий Сергеевич встретил радостное известие о Победе.

Дальше жизнь была щедрой на события. В марте 1947 года в связи с расформированием танкового

училища Федоров Ю. С. был направлен для продолжения учебы в 1-е Ленинградское артиллерийское училище, которое окончил в октябре 1949 года.

В последующем — служба в различных офицерских должностях. С 1958 по 1962 гг. Юрий Сергеевич — слушатель Военной артиллерийской академии в Ленинграде. После ее окончания в 1962 году был направлен для прохождения службы в группу Советских войск в Германии, где служил в должностях командира дивизиона, начальника штаба артиллерийского полка.

С 1966 по 1992 гг. Федоров Ю. С. проходил службу в Военной артиллерийской академии, окончил адъюнктуру и в 1969 году защитил кандидатскую диссертацию, а затем в 1987 году — докторскую. Прошел путь от преподавателя академии до заместителя начальника академии по учебной и научной работе. С 1992 года — заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор академии.

Юрий Сергеевич участвовал в разработке теоретических основ боевого применения артиллерии большой мощности, оценки ее эффективности и выработке практических рекомендаций по огневому и ядерному поражению противника. Является автором ряда учебников и учебных пособий по этим вопросам. Разработал теоретические основы боевого применения атомной артиллерии, сформулировал требования к формам и способам ее применения.

Участвовал в испытаниях артиллерийских систем большой мощности «Пион», «Тюльпан», опытных стрельбах специальной артиллерии.

Проводил исследовательские учения с подразделениями специальной артиллерии. Обобщил опыт организации и ведения разведки во время боевых действий в Афганистане. Руководил координационно-научным методи-

ческим советом по информатике и вычислительной технике вузов Ленинграда в 1986—1990 гг.

На сегодняшний день Юрий Сергеевич имеет более 70 научных трудов, лично подготовил 15 кандидатов и 3 докторов наук, является председателем диссертационного совета по защите докторских диссертаций и членом двух других диссертационных советов.

В 1992 году Юрий Сергеевич уволен в отставку по возрасту и избран профессором кафедры разведки и иностранных армий Военной артиллерийской академии, где и работает по настоящее время. Активная жизненная позиция, принципиальность, огромное трудолюбие, высокий профессионализм, всегда отличавшие Юрия Сергеевича, снискали ему глубокое уважение слушателей и профессорско-преподавательского состава академии. За заслуги перед Вооруженными Силами Юрий Сергеевич награжден орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III-й степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги» и другими (всего 19).

В настоящее время Федоров Ю. С. продолжает работать в Михайловской артиллерийской академии, расположенной на территории муниципального образования Финляндский округ. Хотелось бы пожелать ветерану крепкого здоровья, успехов во всех делах во благо Отечества на многие годы.

Мария Ниловна ФИЛИПОВА

- *Участница Великой Отечественной войны.*

★ *Награждена:*

- *орден Отечественной войны*
- *медаль «За Победу над Германией»*
- *медаль «За оборону Ленинграда»*
- *юбилейные медали (более 10)*

Перед войной детский сад, где работала моя сестра, отправили на Урал, в город Коркино Челябинской области. Вскоре туда поехала и я, устроилась на работу в столовую. Проработала месяц, и началась война.

Помню, в тот день я позавтракала и понесла тарелку супа соседке. Вдруг начался обстрел! Тарелка — из рук, я в страхе! Так я узнала, что началась война.

Через месяц нас отправили на курсы старших поваров, где мы отучились два месяца. Все это время к нам приходили ребята из военного училища, все заглядыва-

М.Н. Филиппова (слева) с подругой Лелей

лись на нас, девчонок, свидания назначали. Кавалер был и у меня. Один раз пришел он ко мне на встречу и говорит: «Готовь котомку». Вскоре нас отправили на фронт, под Ленинград. Провожали нас тогда чуть ли не всем городом. Все жители вышли на улицы, плачут, платочками вслед машут. А мы идем строем — три роты, в шинелях, гордые, что на фронт едем, ничего не боя-

лись. Не знали, куда нас, девчонок, вели.

На войне я была радистом. Жили впроголодь, в окопах, спали на нарах. Помню, ночью по нужде вышла, темно, лес. Возвращаюсь, землянку свою найти не могу: на ощупь пришлось искать. Нашла свои нары, думаю: это точно мое место. Взобралась на второй этаж, уснула. Рано утром слышу: «Где мои ботинки? Не могу их найти! Здесь только маленькие!» И голос старшины: «Я тебя арестую! Ты не можешь собраться!» Оказывается, я, когда выходила, перепутала обувь и надела чужие ботинки, а когда ложилась спать снова, не сняла их. Испугалась, что мне наряд вне очереди дадут, пришла к старшине, покаялась. Он меня похлопал по спине и говорит:

— Ладно, молчи.

Вот такие казусы бывали...

О победе я узнала почти так же, как и о начале войны. Пошла утром в столовую, завтракать. И вдруг слышу крики: «Победа! Победа!», тарелку держу, а руки трясутся. Ничего не видела, не слышала, кроме криков о Победе. Столько было радости! Бегут все, обнимают, целуют друг друга!!!

Тогда мы находились в Германии, куда нас перебросили в 1943 году. Бойцы по сто граммов выпили, песни пели. Мне все говорили: «Ну, хоть глоточек водочки выпей!»

Подготовила С. Титова

Соломон Ильич ХАЙКИН

А мы с тобой, брат, из пехоты!

Хайкин Соломон Ильич родился 15 мая 1914 года в городе Пропойск (сейчас город Славгород Могилевской области Республики Беларусь). В год празднования 65-летия Великой Победы он отметил 96-летие со дня рождения.

Четко и лаконично боевой путь пехотинца ефрейтора С.И. Хайкина записан в личной книжке красноармейца, которая бережно хранится семьей вместе с боевыми наградами. В числе боевых наград 1 орден и 14 медалей: орден Отечественной войны I-й степени, медаль «За отвагу», медаль «За взятие Берлина», медаль «За освобождение Праги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другие. В год 65-летия Победы Соломону Ильичу были вручены две юбилейные медали: одна в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, а другая медаль в соответствии с Указом Президента Украины В.Ф. Януковича.

За короткими и сухими записями об объявлении благодарностей Приказами Верховного Главнокомандующего стоят Сталинградская битва, наступательные операции по освобождению Украины, Польши, Берлинская операция, освобождение Праги.

Со своей трехлинейкой он прошагал всю войну в 1-м батальоне 335-го ордена Богдана Хмельницкого II-й степени стрелкового полка 58-й Одерской Краснознаменной дивизии. Вспоминая о войне, Соломон Ильич часто говорит: «Я до сих пор удивляюсь, как я уцелел?»

В начальный период Великой Отечественной войны фашисты быстро продвигались в глубь нашей страны. В первые месяцы шли упорные и кровопролитные

оборонительные бои. Уже 10 июля 1941 года Соломон Ильич был призван в ряды Красной Армии и в первый свой бой вступил в октябре 1941 года.

После тяжелой контузии и долгого лечения в Саратовском военном госпитале вновь вернулся в свой родной 1-й батальон 335-го стрелкового полка.

Затем была Сталинградская битва и первая благодарность, объявленная приказом Верховного Главнокомандующего от 25.01.1943 года «За разгром гитлеровских армий на подступах к Сталинграду и освобождение станиц Кантемировской, Морозовской и других».

После победы под Сталинградом Соломон Ильич со своим полком участвовал в наступательных операциях 1-го Украинского фронта по освобождению Украины.

В его книжке красноармейца записаны благодарности за освобождение городов Ворошиловград, Лисичанск, Краматорск, Артемовск, Барвенково, а в октябре 1943 года и города Запорожье.

В начале 1944 года шли упорные бои по ликвидации Никопольского плацдарма противника и по освобождению города Никополя. В июле—августе войска 1-го Украинского фронта провели Львовско-Сандомирскую наступательную операцию. 355-й стрелковый полк участвовал в освобождении городов Горохов, Каменка, Владимир-Волынский, Сандомир и форсировании реки Вислы.

С 12 января по 3 февраля 1945 года двумя фронтами 1-м Белорусским маршала Советского Союза Г. К. Жукова и 1-м Украинским маршала Советского Союза И. С. Конева была проведена Висло-Одерская наступательная операция. В ходе боев 335-й стрелковый полк участвовал в прорыве обороны противника и форсировании реки Одер, овладении городами Кельце и Острув.

«Мы рвались вперед к Берлину, а над нашими головами свистели огненные смерчи гвардейских минометов “Катюш”», — вспоминает ветеран.

В ходе Берлинской наступательной операции полк овладел следующими немецкими городами: Нейзилец, Фрейштадт, Грюнберг, Зоммерфельд, а также городом и крепостью Глоссау.

В апреле 1945 года полк участвовал в прорыве обороны немцев и форсировании реки Нейсе, а в последующем в боях за овладение городами Котбус, Люббен, Дрезден.

23 апреля после тяжелых боев полк с юга подошел к столице фашистской Германии городу Берлину. Здесь, как вспоминает Соломон Ильич, при ликвидации группировки немцев юго-восточнее Берлина шли жаркие бои и погибали его боевые товарищи в последние дни войны.

Особенно запомнился один из последних боев под Берлином. Немцы подготовили хорошо оборудованную оборону, которая изобиловала укрепленными огневыми точками, соединенными подземными ходами. В ходе боя командир приказал: «Пулеметчик молчит, вытаскивай». «Пополз, пригибаясь к самой земле, пули свистят так, что головы не поднять. Пилотку пулей сорвало. Осмотрел пулеметчика — следов пулевого или осколочного ранения не видно. Крови нет. Стал тащить в безопасное место и пулеметчика и его пулемет. Пули продолжали свистеть над головой. Руки дрожали от напряжения. Осмотрев пулеметчика, выяснили, что он был убит пулей в голову. Смерти я избежал тогда каким-то чудом. Ведь так не хотелось умирать в эти майские дни».

Войну ефрейтор С. И. Хайкин закончил в Праге 9 мая 1945 года.

После войны Соломон Ильич в течение 45 лет работал на Кировском заводе. Вначале старшим инженером планово-диспетчерского бюро паросилового цеха, а затем мастером участка этого же цеха.

Сейчас Соломон Ильич Хайкин проживает в нашем муниципальном образовании на улице Замшина. У него большая семья, в том числе 8 правнуков. Желаем уважаемому ветерану крепкого здоровья.

Юрий Васильевич ЧУДАКОВ

Весной 1941 года Юрий Васильевич Чудаков успешно закончил девятый класс в городе Тобольске Тюменской области и готовился продолжить учебу, но эти планы нарушила начавшаяся война.

С ее первого дня Юрий Чудаков обивал пороги райкома комсомола, городского военкомата и добился направления курсантом в 30-ю школу пилотов Сибирского военного округа, расположенную в г. Кемерово, пытаясь тем самым осуществить свою детскую мечту о небе. Он с упоением осваивал летную науку, выполнял практические полеты на «У-2», добивался хороших результатов и был близок к осуществлению своей мечты. Однако жизнь распорядилась иначе — вскоре летную школу расформировали, и Юрия Васильевича направили во 2-е Томское артиллерийское училище.

Хоть и горевал он по небу, но сдаваться не привык — учился хорошо, спешил на фронт. В мае 1942 года, после ускоренного выпуска, в звании лейтенанта был отправлен на фронт. Воевать начал командиром огневого взвода 8-й батареи 65-го гвардейского артиллерийского полка 36-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вела боевые действия сначала в составе Сталинградского, а затем Донского и Степ-

ного фронтов. Батарея практически не выходила из боев, поддерживала пехоту, вела борьбу с танками противника.

Вот что вспоминает об этих днях Юрий Васильевич:

«Это случилось в боях под Сталинградом, возле разъезда Тундутово. Батарея действовала с закрытых огневых позиций. Так что боевые действия ощущал, лишь изредка попадая под обстрел противника, пытавшегося подавить огонь наших гаубиц.

Жизнь текла спокойно, в сравнении с тем, что творилось на переднем крае, где сражались пехотинцы, отражая атаки врага, рвавшегося к городу. По молодости я завидовал тем, кто постоянно находился на наблюдательном пункте: там хоть и опаснее, зато в гуще событий и есть возможность непосредственного участия в них.

Наконец сложилось так, что мне пришлось заменить раненого командира взвода управления лейтенанта Сендерского.

Едва я освоился с обязанностями организатора разведки и связи в масштабе нашей батареи, как попал в довольно сложную для меня ситуацию.

Поддерживаемый нами полк сменял изрядно потрепанную в боях 143-ю бригаду морской пехоты. В ночь смены, сменяемые, не дождавшись наших передовых подразделений, оставили свои боевые порядки. Под утро, обнаружив отход моряков, противник начал выдвижение своих передовых подразделений на оставленные позиции. В это же время подошел и наш полк. Завязался встречный бой.

Около полудня я получил приказ командира батареи старшего лейтенанта Прокаева прибыть на командный пункт полка, который поддерживал наш дивизион, для уточнения задачи по корректированию огня.

Вместе с разведчиком Мартыновым мы тотчас приступили к выполнению задания. Начальник штаба объяснил, что командир третьего батальона ведет упорный бой, отбивая атаки противника на командный пункт. Обстановка сложная. Создалась угроза окружения КП и прорыва обороны полка. Для усиления обороняющихся на КП направляется взвод автоматчиков. Нам с Мартыновым предстоит вместе с взводом автоматчиков прорваться на КП.

Где короткими перебежками, где ползком, преодолевая простреливаемое пространство, мы добираемся до командного пункта.

Командир батальона ставит задачу автоматчикам, указывает огневую позицию моему Мартынову и, обращая ко мне, говорит: “Ну, сынок, выручай, обстановка, видишь, какая!” Я ему доложил, что у меня нет ни связи, ни карты. На это он ответил, что карту он даст свою, а связь обеспечит начальник связи через штаб полка. Передавая карту, он добавил, что мы находимся на высоте 106,3.

Пока налаживали связь, я, пользуясь перископом разведчика (был в то время такой прибор), рассматривал местность, окружающую командный пункт. Вокруг равнина, поросшая чахлой растительностью, никаких ориентиров. Метрах в 150–200, полукругом, охватывая наш левый фланг, видна неровная цепочка залегшей пехоты противника. Ведется интенсивная перестрелка. Командир батальона торопит с открытием огня. Надеюсь на промах, решаю дать первый выстрел, указав координаты высоты 106,3 (указать другую точку опасаясь из-за большой вероятности не “поймать разрыв” — высунуться-то из окопа нельзя, сразу подстрелят).

Поскольку команды принимает командир батареи, приказываю телефонисту передать артиллерии: “Стрелять батарее, веер — сосредоточенный, высота 106,3, первому — один снаряд огонь!”

Услышав такую команду, командир батальона закричал: “Стой, стой, куда стреляешь!”

Пришлось объяснять командиру батальона, что по теории, снаряд не должен попасть к нам, а вследствие ошибок подготовки он, скорее всего, упадет в расположение противника. Опасность падения снаряда в угрожаемой близости от нас пренебрежимо мала. Мы увидим, где разорвется снаряд, и скорректируем стрельбу на поражение противника. Комбат согласился, и выстрел был произведен.

Все обошлось как нельзя лучше. Снаряд разорвался с перелетом метров триста, плоскость стрельбы отклонилась метров на пятьдесят вправо от КП. После двух корректировок батарея накрыла цель. После первой же очереди противник начал отходить. Солдаты противника, используя каждый перерыв в стрельбе батареи, бросались наутек, не

взирая на интенсивный огонь нашей пехоты. Так была отбита последняя атака.

Бой утих, напряжение спало, командиры (так в то время называли офицеров) собрались в блиндаже командира батальона. Посыпались шутки, веселые истории, многие старались щегольнуть остроумием. Не отставал от всех и командир батальона. Он не преминул “прокатиться” и на мой счет. Вот-де тут прибыл на поддержку наших штанов юноша, молодой артиллерист-теоретик, по мнению которого артиллерия никогда не попадает туда, куда целится! Так и сегодня, пользуясь своей теорией, первый выстрел пустил по КП, чтобы попасть по противнику. Учтите это, когда будете давать целеуказание нашим артиллеристам. Так состоялась моя встреча со славной матушкой-пехотой, где я получил не только боевое крещение, но и первый опыт управления огнем».

Командуя взводом управления и непрерывно находясь на переднем крае, Юрий Васильевич проявлял мужество и героизм, за что и был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Потом была Курская битва, в конце которой Юрий Васильевич был назначен командиром батареи. День ото дня росло его артиллерийско-стрелковое мастерство, накапливался боевой опыт. Несмотря на ранения, до Победы воевал в родном 65-м гвардейском артиллерийском полку, освобождал Украину, Румынию, Венгрию и Австрию.

В ходе боев проявил высокие организаторские способности, личное мужество и отвагу. Именно за эти заслуги Юрий Васильевич был удостоен высоких правительственных наград. На его груди появились два ордена Боевого Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I-й степени, медали «За взятие Будапешта» и «За Победу над Германией».

Однако полученное ранение не позволило оставаться в строю, и День Победы пришлось встречать в госпитале.

Виктор Семенович ШАРГОРОДСКИЙ

Родился 09.06.1926 года в г. Киев. Имею брата-близнеца Шаргородского Вадима Семеновича.

В июле 1941 года в возрасте 15 лет вместе с братом был призван в Армию (в повестке дата рождения была указана 1925 год). Отправили на фронт под Киев, но в боевых действиях участия не принимал, выполнял функцию связного. Немцы постоянно бомбили Киев.

В августе 1941 года выходили из окружения. Разбившись на мелкие группы, двигались только ночью по направлению к г. Донецку. Из окружения выходили около 1 месяца. Документов не было. Добравшись до Тельмановского районного центра Сталинской области, в военкомате выдали документы. В документах была уточнена дата рождения, т. е. получалось, что братья призваны в армию по ошибке. Поэтому с нормальными документами личности братья направились в Краснодарский край, куда из Киева была эвакуирована их мама. С ноября 1941 по октябрь 1943 годов работал трактористом на Славнухинской машинотракторной станции.

В октябре 1943 года добровольцем пошел на фронт. Закончил школу сержантов в г. Кирсаново. В долж-

ности командира артиллерийского орудия воевал на 1-м Белорусском фронте — 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Последний бой был 27 апреля 1945 года за г. Ратенов (Германия) — недалеко от Эльбы. Далее служил в Тегеране и до 1950 года — в Туркменистанском военном округе.

Награжден орденом Отечественной войны II-й степени.

В 1950 году вернулся в г. Киев. Окончил Киевский политехнический институт по специальности инженер-механик. В 1955 году по распределению приехал в г. Ленинград и до 1985 года (30 лет) работал на Ленинградском металлическом заводе — конструировал, испытывал турбины. Проводил испытания паровых турбин в Польше, Германии, Аргентине (командировки от «ЛМЗ»).

С 1985 и до октября 2005 года работал заведующим лаборатории промышленных исследований энергетического оборудования.

Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (в области энергетики). Постановлением Правительства РФ от 16.01.1996 года присуждена премия Правительства Российской Федерации за разработку, исследование и промышленное внедрение на тепловых электростанциях систем принудительного охлаждения паровых турбин мощностью 200—800 МВт с целью продления срока службы, повышения экономичности, надежности и маневренности.

Содержание

БОБРИКОВ Анатолий Алексеевич	5
ВАСИН Михаил Васильевич	10
ГАНИН Александр Кирианович	18
ГЕРАЩЕНКО Адам Трофимович	23
КАЛИНИН Николай Иванович	24
ГОЛЬДМАН Давид Ефимович	26
ГОРДОН Юрий Александрович	30
ДОМАНОВ Дмитрий Абрамович	33
ДУВАНОВ Иван Прохорович	38
ЕЛЬЦЫНА Евдокия Павловна	41
ЕМЕЦ Валентина Федоровна	50
ЕМЕЦ Федор Анисимович	54
ЕПИХИН Андрей Кириллович	57
ЕФРЕМОВ Александр Иванович	62
КОЛОТИЛИН Иван Георгиевич	65
КОНЕВА Валентина Апполоновна	73
КОРЕЦКАЯ Валентина Петровна	75
КРАВЦОВ Георгий Константинович	79
КРУКОВСКИЙ Анатолий Станиславович	82
КУДРЯВЦЕВ Петр Михайлович	85
КУЗЬМЕНКО Иван Илларионович	91
ЛАДЫГА Иван Федорович	94
МАРКОВ Николай Васильевич	97
МОГИЛА Вера Сергеевна	101
МУХМЕДИАРОВ Владимир Михайлович	104
ОВЧИННИКОВА Вера Николаевна	109
ПЕЛЕВИН Евгений Иванович	112
РОЗОВ Давид Исаакович	115
СЕМИБРАТОВ Леонид Васильевич	122
ТАЩИЛОВ Виталий Федорович	124
ТИМОФЕЕВ Владимир Дмитриевич	134
ФЁДОРОВ Георгий Степанович	136
ФЁДОРОВ Юрий Сергеевич	139
ФИЛИППОВА Мария Нилловна	143
ХАЙКИН Соломон Ильич	145
ЧУДАКОВ Юрий Васильевич	149
ШАРГОРОДСКИЙ Виктор Семенович	153

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципального округа Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть I. Мы знаем, что значит война...

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников Великой Отечественной войны,
Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва. «Планета». 1985.

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

ООО «Артиком». С.-Петербург, Пискаревский 63, лит. А.

Подписано в печать 10.12.2010. Бумага мелованная.

Формат 70×100 1/16. Тираж 1000 экз. Заказ № 1852.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Береста».

Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Часть I. Мы знаем, что значит война...

